

ЕФИМ БЕРШАДСКИЙ

ДЫХАНИЕ. КНИГА ВТОРАЯ

Ефим Бершадский

Дыхание. Книга вторая

«Остеон-Групп»

2018

Бершадский Е.

Дыхание. Книга вторая / Е. Бершадский — «Остеон-Групп» ,
2018

ISBN 978-5-95009-304-3

Второй том из серии «Дыхание» является продолжением захватывающего мира, открытого читателю Ефимом Бершадским. Мир игр, творческих путешествий, философских изысканий, исследований тайн мышления и загадок окружающего разнообразия. Путешествия с автором по закоулкам маленького городка переходят на новую ступень. Вторая книга посвящена созданию и изучению фантазийных миров и хитрых языковых игр. Она богата стилями, темами, вопросами и загадками. Беспрерывная игра в ассоциации является её путеводным методом. И, как и в первом томе, здесь читатель почерпнёт для себя море интересного, неожиданного и занимательного. Ведь «Дыхание» – это не просто роман, а ещё и философский труд, открывающий иной взгляд на обучение и познание.

ISBN 978-5-95009-304-3

© Бершадский Е., 2018
© «Остеон-Групп» , 2018

Содержание

I. Чтицы	6
Анастасия	6
Бал	9
Энциклопедия	21
Маленький принц	23
Мать	29
Карна	35
Талия	40
Антракт	44
Старый напёрсточник	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ефим Сергеевич Бершадский

Дыхание. Книга вторая

© Е. С. Бершадский, 2018.

* * *

*Там рождаются языческие вакханалии, языки
мышлений, космогонии...*

*Там скрещиваются поэзия декаданса, Калигулы
стихи, агонии...*

*Там возносится новый апокриф, Эволюцией слово
данное...*

*Там авангард бесприданный... Богини
неисчислимы... Картины мира... Дивные.*

І. Чтицы

Анастасия

... – В августе у нас холодало... Лето короткое, а день ещё долгий, ходишь и не можешь насмотреться. Я гуляла днями напролёт, воздух свежий как Ваши грозы, а в небе листочки кружатся... Наша вишня начинала рано желтеть, в те дни для нас начиналась осень. Я срывала себе первый жёлтый листок, на память, и клала себе на стол. И осенью срывала ещё листья, и хранила их, они высыхали и становились хрупкими как хрусталь. Вы слушали, как шуршит в руках сухой осенний лист? В руках, и прикасаясь к коже, я хранила их там, на груди, и несла домой, бережно, ещё живые. А черенок, Вы видели его изгиб, любовались им? А как листья скручиваются внутрь себя, и так и остаются... С тех пор я люблю листья, хотя с ними удлиняется ночь... Я и тут буду собирать их, в Вашем парке, и... А жилки листа, Вы смотрели на них? И на листьях можно рисовать, особенно на ещё живых, и я рисовала, женские головки, своих сестёр... А ягоды, мы заваривали их и пили отвары и настои, дома уже было натоплено, и, замёрзнув, я грелась возле печи, а отец читал нам вслух... Он любил элегии, и сам писал, в детстве я учила его стихи... Мои окна выходили на север, и я не любила бывать утром в своей комнате, и всё время уходила из неё, возвращаясь лишь к вечеру – вечером свет уже казался неважным, зажигали свечи рано, я люблю свечи. Я отпирала окно, и ждала, задует её или нет, а потом задувала сама, и зажигала вновь. Вам нравится прозрачный тающий воск, медленно исчезающий в пламени? Свеча заменяла мне часы, когда сторала половина, я тушила её и ложилась в постель. Если заходил отец, я старалась не засыпать, он снова читал стихи, он любил писать об ундинах... И думая, что я уже сплю, он вставал у окна, как сейчас стоим мы, и смотрел на бег туч и времени. Во сне я часто слышала, как он читает, далеко, в своей комнате, там висел мамин портрет... Мы растили сестёр вместе, осенью он отпускал меня, а зимой и весной я отпускала его, и сидела и гуляла с ними... Верите, я до сих пор помню, как пахли их губы... Столько лет минуло, а они живы в памяти, вместе с его стихами... И я хочу увидеть Озеро, я услышала о нём ещё от него, когда вишня начнёт желтеть, я поеду к нему, я уже решила, попрошу дать мне лошадь на несколько дней, Вы же разрешите... А Вы любовались самой первой кромкой льда, когда он ещё тонкий как волосы... А весенним ледоходом, когда льдины налезали друг на друга... Торосы... Удивительная природа, как совершенно создала она наш мир, и нас, губы, руки, глаза... Словно и не могло случиться иначе, мы родились, чтобы увидеть, восхититься, любоваться... И каждый из листьев рождается для нас, и я храню их, храню с прошлой осени, у себя на столе... И уже жду других, новых, они чувствуют малейшее дуновение, как тюль моего окна... Вы знаете, я разрисовала его, нарисовала Благовещение, я покажу Вам однажды, когда у Вас найдётся время... А...

– Что?

– Укололась, о свою же... Ничего не случилось, я потерплю. Горничная неправильно воткнула, я спешила. Вашу библиотеку не так легко разыскать новоприбывшей, я расспрашивала, и лишь один из стражников подсказал мне. Я плутала и случайно увидела птицу, у Вас живёт множество необычайных и невиданных, многих я не знаю как назвать, они у Вас собраны... Для чего? Вы приручаете их?

– Да, приручаем. Птицы нужны и для праздников, и для охоты, и для пиров. Мы отпускаем их, они всегда возвращаются домой. Им хорошо в нашем Замке, поверьте мне. Они свободны, они могут улететь.

– Да, меня это поразило. Вы не запираете их, а они остаются. А осенью... Они улетают?

– Многие улетают. Они летят на юг, их встречают в наших провинциях.

– Говорят, на юге живут совершенно другие люди, не такие, как мы. Я хотела бы повидать их, поговорить с ними... Вы знаете столько языков, столько обычаев, Вы...

– Я расскажу Вам однажды что знаю. Нам ещё не раз предстоит увидеться, Анастасия... Вы рады, что поселились в Замке?

– Да, я благословляю Господа, приведшего меня к Вам. Ваш Замок необыкновенный, даже грозы помнят об этом... В Вашей библиотеке столько книг... Я никогда не читала книги, хотя отец учил меня... Верите, я боялась, что он перестанет говорить со мной, если я буду читать сама, и просто назовёт книги, свои и чужие, и уйдёт к себе, в себя... Вы не думали, что в книгах много от атмосферы ночи, они неживые, спокойные... Они нечеловеческие, на них лишь следы рук, как на стекле... Меня смущало всегда, человека уже много веков как похоронили, а книга остаётся, и говорит своим голосом. У Вас такое лицо... Вас не обижают мои слова, Вы учёный человек...

...Может, я слишком проста, я не понимаю множества слов и вещей... Здешние правила ещё сложны для меня, каждое слово следует произносить особо, подобающе... Наш язык проще, мы ещё не достигли Вашей глубины, наши слова коротки и неясны, и каждый может вобрать в себя свои и передумать их, перевернуть... У нас много анаграмм, можно переиначивать и слово, и имя, сохраняя лишь его звуки, и каждое сочетание разрешено, и человек отчасти поймёт тебя... А разве большее возможно? Я стану Вас учить, Вы легко научитесь, и мы станем говорить на двух языках, Вашем и моём, они будут как родные, как брат и сестра... Я тороплю время, да? Я опрометчива, я не умею описать себя лучше Вашими словами, Вы поймёте меня и простите, Вы мудрый государь, а я тороплюсь. Это гроза, я должна была быть покойна рядом с Вами, а я не умею, не могу совладать, верите ли, до сих пор чувствую себя гостьей, хотя живу в Вашем Замке уже почти половину года. Я совсем никого не знаю, я учила язык со своей помощницей, она молодая девушка, она полна надежд, дум – может, от неё и мои наивные обороты... Я раскроюсь шире, и скажу, скажу Вам себя, я буду учить Ваш язык ещё, но я не могу по книгам, мне нужен человек, голос. Вы поможете мне, да? Я прошу столь много, Вы очень связаны, Ваше время драгоценно, а я украду его, простая...

– Я буду, обещаю. Поздними вечерами я свободен, ночью совещания случаются редко... Сегодня же полнолуние, Вы знаете об этом?

– Да, в полнолуние загадывают желание, и если вдвоём загадать одинаковое, оно сбудется. Можно с Вами осмелиться? Каждый из нас загадает про себя, а если сбудется, мы поймём друг друга.

Загадывая, она шепчет губами. Император умеет читать по губам, но слова ему незнакомы. Образ её, встреченной им сегодня утром, встаёт перед его глазами. Трудно поверить, что эти две женщины... Она боится темноты. Кажется, так.

– Вы знаете, – признание вырывается у него, – я ночую в одной из башен, под самым шпилем, и окна идут кругом, во все стены. Вот оттуда видны и рассвет, и закат. Я тоже люблю Солнце. Вы слышали эту легенду, что в полдень над Озером никогда не бывает облаков?

– Даже осенью?

– Да. Это правда. Сколько бы раз я ни бывал там, в полдень небо всегда ясное.

– И зимой ясное?

– Зимой туда не проехать.

– А разве на берегах не остаются люди?

– Нет. Зимой Озеро пустует. Это Закон.

Она впервые улыбается, иной, недневной улыбкой.

– Видите, я не знаю Ваших законов.

– Они Вам не нужны.

– Нет, нет, я узнаю. Моя помощница не разбирается в них, я узнаю у других. Она не виновата, она совсем девочка, почти ребёнок. Они с горничной как две моих послушницы,

они учат меня, а я – их. Жизнь не слишком справедлива с ними... Говорят, Вы обходитесь совсем без слуг...

– Да.

– Без слуг я бы просто не смогла одеться... Без людей очень тяжело. А Вы всё детство провели в Замке? Учились, читали... Ваш род уже несколько веков правит Империей, и родиться её наследником... Это даётся лишь избранным, самым достойным. Я бы не смогла жить принцессой... Какое бремя... Ты всё время на виду, люди смотрят на тебя... Все говорят, обсуждают... Нет, я не смогла бы. Приёмы, званые вечера, балы... А правду говорят, что готовится великолепный бал, и Вы уже отдали самые важные распоряжения и уже назначили дату?

Император ждал этого вопроса. Он кивает головой.

– Почти всё это правда, лишь дата ещё не известна. Её предстоит выбрать... – секунду длится молчание, её поза неизменно совершенна, – выбрать Вам...

Бал

К балу готовятся. Каждый, кто хоть однажды побывал на нём, хочет оказаться там снова. Балы, маскарады... Самые яркие праздники сочетаются с яркими платьями и масками, с декольте и духами. В празднике таится загадка и случай, они обещают себя, и обещают и намного больше. И под маской карабинера прячется гордый и великолепный принц, мечтающий об искренней и чистой любви. И каждый из танцев, испрошенных им у тебя, и иноземность акцента, и редкое владение фразой доверчиво полнят искрящиеся, летящие минуты. За ними ждут, ждут и поцелуи на балконе, и уединение, прогулка под руку по одной из освещённых аллей, беседка. Только об одном попрошу тебя, не снимай свою маску, не торопись... – стучится в голову, а он ещё прижимает к своей груди, оттолкнёт, прижмёт снова, закружит... Можно ли верить его слову и взгляду, что там, под улыбкой раскосых глаз, – то никому не ведомо... И знай его тысячу лет, ты не узнаешь и малой толики всего, его рассказы заполнены преданиями и стариной, как и комнаты его замков, история его семьи восходит к почитаемым пророкам, а династические браки давно сменились поисками свежей струи, оживляющей их исторический род... Пусть его речь заполнена сарказмами, пусть язвительный смех точит внутри сомнения – он вызывает скорее почтение, чем любовь, и ты никогда не поверишь, что он обычный, привычный к женщинам жиголо, примеривший необычную маску... И даже если и это неправда, и впереди – таинственный берег, заполненный подневольными ему капитанами и кораблями, если его изысканность и сложность – не забава, и за ними, непонятные и тебе, таятся свои смыслы, даже если он не шутит, упоминая старых мастеров, писавших по заказам его семьи, – как узнать о нём главное? Можно спросить, случайно заблудившись в невинности тем, спросить так, чтобы он понял, и так, чтобы было можно уклониться, и ещё не очень прямо, и не грубо, а просто, и пусть за словом предстанет улыбка и будет светить полумесяц, – да только ответит ли он, сможет ли? Сможет ли, если захочет, передать то что-то, что бывает у него внутри рядом с женщиной и когда её нет, не оправдывая твой вопрос насмешкой и самоиронией, а выплеснув, пропитав тебя своим... Да и ждёшь ли ты этого? Ведь это не окажется тем, чего ищешь ты, а если окажется – то не слишком ли удивительна эта встреча, и как надменное высокомерие может сочетаться с вдохновенностью его порыва – может, это всё же обман? И если и есть в нём это оно, ожидание и томление, не женское, но сдержанно-страстное, если холода в его краях чуть теплее наших, а тепло разливается раньше и вместе с рассветом, если утром он берётся за книги, а сухие газеты лежат в стороне, и он лишь мельком заглянет в них, если даже и он ищет кого-то среди многих танцующих – сиюминутно ли это? Ведь завтра будет другой день, завтра будут запрягать экипажи, а многие, браво запрыгнув на пышущего жизнью коня, поскачут во весь опор по мощёным замковым дорогам, и им уже не нужны спутницы. Завтра станут подписывать новые, похожие на тысячи уже изданных указов, снова увлекутся скачками и романскими поэтами, и азартом, мимолётными свиданиями и горничными, простыми и безотказными, – завтра жизнь вернётся в своё русло, заполненная пустыми заботами, и его любовь окажется загадочно похожей на очередную из них – и разве нужна такая любовь? Нужна же мечта, поэзия, мимолётность его взгляда, который задержится, прося ответить, нужно прикосновение, а не объятие, не поцелуй, а его обещание, и сладостная ночь, вспоминающая о нём. Нужен бал, бал который раскроет его с лучшей из многих сторон, и не станет упрощать и подчёркивать, не станет делить завтрак на траве с увлечением ирисами и Мирамидами, и в пошлость дней не добавит язвительности расчёта, основанного на холодном и неприятно-здравом рассудке. А бал... Бал предостережёт и сохранит, он заметит и заполнит сотнями моментов, и там будут другие, они тоже увидят вас и прикоснутся, и захотят поговорить с тобой, они будут привычно лстить твоим волосам, привычно упомянут и вчера, и тот и другой из случаев, когда им довелось, и, обманывая тебя, они будут ласкать и

убаюкивать сладостной и давно привычной сказкой... Они попросят на память твою туфельку, и преподнесут в подарок другую, и в этих двух загадочных туфельках ты станешь кружиться на лакированном паркете, вспоминая *Баядерку* в перерывах между счётами... И каждый раз на счёт “три” будет исполняться одно желание, всякий раз то же, желание ни на миг не останавливать разогнавшийся порыв, и в путанице зала сохранить чистоту и плавность каждой линии и улыбки... А слова, текущие чередом, будут отбивать любимый ритм, напоминающий старые деревянные часы с крошечной кукушкой... И тяготы любви не омрачат неминуемого начала.

Читая о старых балах, каждой хочется сравнить его с близящимся. В недрах библиотеки, в летописи дней и лет, сохранились множеством описания. Участники, не желая забыть, занесли на страницы описания костюмов и гостей, и случаев, множась с приближением роковой полуночи, описания интерьеров и дождя, лившего за окном, и, быть может, на считанных четырёх строках – чуточку своего, сбывшегося и ненадёжного. Боясь сказать главное, они говорили о тысячах второстепенного, боясь рассказать о себе, они заполняли бал другими. Им казалось, что в этом правда происходившего – в численности кадрили и поэтов, в суете гардеробной, в урожайности дорогих вин и обильности приоткрытых плеч. И если бы можно было повторить всё вновь – они бы вновь рассказали о бале так, словно видели его издалека, и с иронией прогулявшись между шутников-кучеров, между отдыхающих после скачки лошадей и изобильной парами кухни, они прошли в комнату приготовлений, и, куря рядом с окном, разговорились со случайным гостем. Добавь они фантазии – и они заглянули бы к принцессе, и подглядели бы галочки на полях утреннего романа, и выбор самого подходящего платья, они заглянули бы и туда, куда... И бал бы рассыпался на суету и танцы, на поиски знакомых и не очень, на верного слугу, пришедшего на подмогу, на звуки стекла, оркестр, пианистов и скрипачей, и архаичность библиотечных интерьеров. И затушуй всё внешнее, прикрой позолоту и имена, лицемерие и лицедейство, и обманчивость принцессы, и манеру её матери, старой франкофонки, – и от бала не останется следа. Передавая жизнь как сменяющиеся картины и звуки, мечтая об объективности и полноте, и превращая ожидание в репортаж и отчёт, забыв в себе зрителя и пренебрегая ролью участника, ты останешься комментатором, потерявшимся в недрах пустующей библиотеки. И это заслуженно. И описания балов, как описания королей, не пройдут мимо черт и анекдотов, но пройдут мимо самого себя и каждого из других – пытаясь упомянуть тысячи оттенков, они не затронут случившегося. Ведь бал случается лишь несколько раз, и сказка о Золушке ни разу не воплотится в жизнь, если, закрыв ночью глаза, не приснится во всей своей фантастической тесноте, в тесных рамках белой постели. И принц, неся на руках, будет произносить желанные и бессмысленные слова, а потом, пронесясь через время, подведёт белоснежную пони, и вы станете кормить её ржаным хлебом. И наедине, укрывшись пледом, разговоритесь о песках и морских рифах, и внутри, отдаваясь запахом моря, будут слышаться звуки ракушек и плавать доисторические, куполом прозрачные ядовитые медузы. И возложив её тебе на голову, он превратит тебя в королеву литорали, а испаряясь на Солнце, медуза станет течь по коже, позолотой короны и венца. И под руку с ним вы войдёте в бушующие штилем воды незнакомого моря. И имя его затихнет на сомкнутых бризом устах...

Бал начинается утром, утром каждого предшествующего дня. Он метётся в разговорах о погоде, в переговорах высокопоставленных особ и излишне медлительных заказах, он ворочается, пока замешивают тесто и пекут хлеб, стучится в каждую из канцелярских дверей, и даже в приоткрытую дверь, ведущую в пыльные чердачные покои придворного математика. И считая число пылинок во Вселенной, отталкиваясь от их числа в своей комнате и помножая на число под кроватью, он получит число, превосходящее воображимое, запутается и пойдёт искать кастеляншу. Заглянет к нему и горничная – и, оглядев её худенькую фигурку, он наивно оставит её одну, всерьёз считая неприличным оставаться с незамужней девушкой наедине. Слегка расстроенный неточностью расчётов и своей необщительностью, объясняя отсутствие

успеха у женщин их близорукостью, тая в себе средневековые идеалы рыцарства, как их воображают романисты, и изредка и искренне мечтая о чистой любви, он задержится у окна и заглянется на старый, слегка заброшенный садовниками парк. И пока горничная будет стирать пыль, чуть обижаясь на привычную судьбу, а кастелянша занята важным и приватным разговором, он пересчитает в уме число траекторий движения по замковым коридорам, и бессмысленность этого занятия почти успокоит расшалившиеся нервы. Он сделает горничной сдержанный комплимент, она пропустит его мимо ушей, они благополучно расстанутся, и вернутся к насущным делам. И всё же, признаваясь себе, что она понравилась ему, он обещает себе приглашать её почаще, втайне завидуя лёгкости поведения пылкого придворного астронома...

Извечно вращение Земли... Вращаясь, Земля мчится в полотно бесплотного эфира, увлекая за собою небесный свет, она жаждет передать своё движение Луне и видеть лишь одну её сторону, ту же, какую желают и люди. Двигаясь по орбите, увлекаемая приливами и увлекающаяся ими, каждая уже готова упасть на руки кавалеру, но инерция движения бросает в новое па, наравне с излишеством окружающих глаз и силой солнечного ветра. Сдувая тебя, в наплыве неопикуемых частиц, радуясь пионам и протонам, и греческой традиции малопонятных имён, увлечённая музыкой эфира и небесных сфер, ты обречена кружиться, пока силы не оставят взволнованное тело. За приливом придёт отлив, его подчеркнёт веер и положение губ, астрономический календарь очередного года, предсказавший лунное затмение, а ещё – кивок головы, отвечающий непонятливым, да оправленное безупречное кольцо, идеальное как твои пальцы. Прирождённые источники наслаждений, вдесятером, родившиеся для волшебства, способные на необычайные сумасбродства, посвящённые посвящённым, они почти покоятся относительно Земли. Тем не менее, и они способны, и способны на многое. Их собратья, вдесятером, связавшие свою жизнь с твоими стопами, не знающие ни колец, ни поползновений, ни кремов для рук, если ты, конечно, не излишне самобытна и богата, и придаёшь должное значение влажности кожи, – словом, они ждут своего часа. Будучи ненужными среди дня, они способны к развитию, самоценному и увлекательному, и будь они столь же длинными, как и другие, – от кавалеров бы не было отбоя. Увы, они коротки. Но твой большой палец хорош, это отмечают многие. Его правый сосед чуть привередлив, его форме не хватает хорошего ногтя, но... Заботы бала многочисленны как гадания святок, их перечисление занимает время, столь драгоценное для каждого участвующего, текущее безмерно медленно и скачками, вдобавок отнимаемое приёмами послов и прочей чепухой. Хотя один из послов – подлинный чародей, ты слышала, как он высказался о Плутархе? В пух и прах его разнёс. Наш царедворец...

Необоснованно, но непоколебимо уверенные, что завтра взойдёт Солнце и магнитные полюса Земли не поменяются местами, что может сказаться на атмосфере, ждут бала многие. Атмосфера, как и подобает, проявит себя во всех проявлениях, и гости заночуют в Замке, в уже готовых для них покоях. Те немногие (а может, и многие), что будут спать, не пропустят чего-то необыкновенного – замковая жизнь не коснётся их, и праздные похвалы пропустят её стержни и столпы. Что бы ни происходило под предлогом ночи – это не сделает чужой мир понятнее; интриги и заговоры, борьба и её бессмысленность, выбор между реформами и проформами, указы, эдикты, сарказмы, даже гроза – не изменят многого. Можно ли что-то изменить, нельзя ли, нужно ли – эти вопросы никогда не встанут перед ними, и, промочив утром горло, они спокойно отправятся домой, довольные собой, а может – и упустившие что-то важное. И те, кто готовился сделать отчёт, снова впишут в него фразы и коридоры, облик Императора, вельмож, скрытые и неприкрытые пороки, устройство хитрых механизмов и длительность фейерверка – все те штампы, без которых люди не представляют себе бала. И даже выскажись Император по поводу Плутарха и Овидия – недолгое удивление потонет в формах ливрей, пурпуре и шёлке, босоножках шутов и шутовстве. Замок вечен, его охраняют не башни. Его охраняют традиции. И старые запреты, столь же естественные и бессмысленные, как и новые. И Замок помнит об этом. Подготовка к балу в самом разгаре.

* * *

Под руководством царедворцев по залам развешивают картины. Ниши заполняют старые вазы и бюсты, натирают до блеска позолоту и бронзу, расставляют почерневшее серебро. Реставраторы заполнили башни, старые витражи в лучах Солнца засияли по-новому, что уж говорить про мозаики и плафоны... Налажен и бой в часах, в полдень по залам разносятся незамысловатые мелодии, заново настроены рояли, смазаны двери и замки. Появились и хваленные сундуки, запертые. Отпереть их не могут уже полстолетия, ключи утеряны. В них звенит посуда, может, там спрятаны и драгоценности – царедворцы улыбаются, глядя на них.

В моде женщины в горшках – щекотливость царедворцев добирается и до них. Слышны залпы смеха. Репетиторы неутомимы, кордебалет дивит разбросанным положением рук. Чудом поймана булава, летевшая в окно. Окно спасено, репетиция продлена. Всем желающим дают ложку сметаны. Из теста лепят капусту, на канат собирают паутину. Кудряшки вертятся, растут.

Рассеянность в Замке нарастает. Почта загружена обращениями, скована раскованность, подковы подросли в цене. Множатся восклицания, тет-а-тет говорят плашмя, активные отщепенки и губная помада – карикатура дня. Куртуазность в миниатюрах, иноходцы в рюшечках, парикмахерам – воздушные поцелуи. Они на грани истощения: немого – они без колготок (чёлки кокоток). Рожицы в словах, клюковки, изыски под шубой. Ровесницы моложавы, они берут роскошью. Оборот наоборот.

Руководство царедворцев – в замковой типографии. Печатают. Там же – и мимы. Выходят со стопками, их неподвижность бросается в глаза. Многие узнают знакомых. Мим-невидимка – в позе лотоса. Его никто не видит. Чашка кофе зависла в воздухе. Её приводят во вращение, смотрят в отражение, дивятся. Мима пытаются подвинуть, тащат гардероб. В гардеробах – неразбериха. Худенькие излишне худы, нет нужных размеров, нужно либо перекраивать, либо набирать вес. Их упрашивают, одну несут на руках. Художники просят приостановить, они рисуют, поправляют кудряшки. Несколько этюдов каждой из сторон. Три ложки супа, приходится съесть. Потяжелевшую опускают на землю. Номер отрепетирован, следующий. Кипами разбрасывают сценарий. Проросший из дерева Олимпиец сосредоточенно изучает содержание. По его спине церемониально ползёт жук-олень.

Серьёзные люди не обращают на это внимание. В огромную Залу вносят *Искушение*. На развешенных вокруг него лентах висят стихи, лично написанные по случаю Императором. В Залу несут яблоки, их складывают на подоконники. Ещё одно *Искушение* вешают диагонально. В Замке всё присутствует в нескольких экземплярах. Форма свода удачно подчёркивает обилие фиалок, настурции пылают от стыда. Анатомические и географические, разъясняют происходящее атласы. Для полноты картины в Залу с помпой вносят 27 томов Энциклопедии. Отныне почти всё готово. Осталось лишь несколько финальных штрихов.

Через распахнутую дверь в Залу вбегают Чтицы. Они бегут по Зале, читая императорскую Элегию, сталкиваются, обнимают друг друга, целуют и бегут вновь. За ними бегут царедворцы, подхватывают их, поднимают над собой. Несколько Чтиц забираются на огромные шары, шары начинают катиться. Блестящая парча укрывает их путь, их голоса подобны Иволгам. За шарами с иголками несутся мимы, они мечтают их лопнуть. Парикмахеры и воздушные подковы, губная помада, шёлк, роскошный Персей, любовь. Сказка, вечная Золушка, вечер. Бал, бал, бал.

* * *

Балы не начинаются в полдень. Балов не бывает поутру. Репетиции случаются по утрам, бывают и ранние знакомства, но не свидания. Свет отпугивает тайну, глаза лучше закрыть.

Перед закрытыми глазами развернутся древние празднества, апофеоз их сливается с сумерками. Зачатый на закате ребёнок родится властелином мира – таково древнее поверье. А зачатый на рассвете? Сказания забывают упомянуть, и остаётся лишь гадать по ладоням возлюбленной. Пусть полночь бьёт посередине между рассветом и закатом, шепчась о скрипучих колёсах. Её знаменуют букеты тимофеевки, внесённые покорным слугой. Старый закон запрещает ночные звуки, его нарушают лишь филины, бесстрашные и неуловимые. Но полдень, определённый Солнцем, не может пустовать. Его следовало заполнить. Заполнить движением, силами природы и тела, гомоном, фоном. Гостей уже встретили, проследовали церемонии и слова. Можно было уйти от всех, побыть одной, можно пойти к ручью, бродить по песку. Можно сидеть у окна, сделав зарядку, можно выпить кофе, добавив глоток мартини. А почему же утром не бывает встреч? Согласно древней легенде раньше люди встречались поутру. А потом перестали. Часы изобрели. Полдень давно позади. Праздник в самом разгаре.

Праздник повсюду. Гости съехались самые разные – приглашения раздавались на площадях городов, каждый мог вытащить счастливый билет. Полыхают флаги, вывески аттракционов, смех. Фаворитки и фавориты, камергеры и силачи, мошенники, бездельники – в павильонах не спросят. Столы со спящими выложены на всеобщее обозрение. Снадобья из маленькой лавки, на бирке – росчерк Амадея. К спящим не положено прикасаться, бредят и даже ходят. Аттракционы детям, цирк с циркачами и дрессированным шимпанзе-шахматистом. Сеансы одновременной игры. В маленьком вагончике ждут подростков, книги из библиотеки Амадея, с картинками. *Чревоутоление и мироздание. Ясные сумерки. Настройка и тонкая настройка. Рефлексия удовольствия. Плацебо Неленивий.* От подростков нет отбоя. По соседству – 5 рецептов имитации сумасшествия. Попробуйте убедить мастера-психиатра. Самых убедительных ждут подарки, шоковые признания от таинственной гостьи.

Мужья пытаются скрыться от жён и фавориток, жёны – от мужей. В особых покоях красавцы-Гераклы украшают и одевают несносных – эстеты стремятся туда. Их ещё нужно найти, вывесок нет. Там царят тишина и послушание, желание Геракла – закон. Сеанс длится ровно час, право выбора образа – за ним. Лучшие образы скрывают от посторонних глаз, до поры бала. Для этого освобождали чуланы, туда поставили зеркала. По просьбе выдают и керосиновые лампы. По слухам, одна сумела выбраться из чулана и разгуливает среди толпы. Даму нашли на беге, она без конца ставила на одного и того же мужлана. В наказание она не получит положенный всем крем для рук. Удар по самолюбию.

Бьют фонтаны, скрипят вращающиеся колёса.

Самые отчаянные отправляются посетить только что запущенный аттракцион, Галеон. Неизвестно откуда привезённый полноценный Галеон, занявший одну из полян на окраине парка, ждёт своих обитателей. Поднявшись по трапу и поговорив с заезжими пиратами, стоит заглянуть и внутрь. Галеон превращён в отель, с номерами на двоих. Каждому предоставляется шанс самостоятельно вытащить из корзины номерок, вслепую. После второго вошедшего номера запирается до рассвета. В каждой каюте – свои сюрпризы, приключения ожидают многих. В потолках кают созданы иллюминаторы, можно заглянуть и к соседям. Рассказывают об одной парочке, вытащившей два одинаковых номерка. Повезло им... Причуда судьбы. Бывает же...

Вина ещё не разносили, погреба заперты, желающим предлагают конфеты. Многие мучаются жаждой – бурдюки так и не донесли и где-то потеряли. Пьют прямо из купален, из бассейна с офиурами. Говорят, у воды появились целебные свойства. Про офиур говорят все, тема животрепещущая. Напекают, что это заморские наложницы одного из должников Замка, он расплатился ими, проигравшись. Играют все, играют повсюду, ставить можно всё. Очень дорого ценится власть над собой – в половину предыдущей ставки. Проигравшие на одну ночь становятся рабами и рабынями Замка – их уводят, некоторые хохочут. Своих рабов Замок тут же пускает в лотерею – каждый может заполучить себе одного, вытащив счастливый билет. Один юноша-подмастерье вытащил графиню Мантау, роскошную сумасбродку средних лет.

Проигралась в пух и прах. Графиня ещё в самом соку, она любит внимание публики. Он водит её на цепочке, они гордо продефилировали по подмосткам, на глазах у всей толпы. Им аплодировали, отмечая её уникальную выдержку. Проиграв все свои шелка, она ни минуты не колебалась, и проиграла всё нательное серебро. По слухам, последней она спустила легчайшую сорочку-кольчугу, мечту любой женщины. Замок уже выставил её на аукцион, она придаёт неуязвимости.

* * *

Одна девочка выдувает мыльные пузыри ростом с себя. Оторвавшись, они медленно поднимаются в небо. Она заворожила окружающих, мимо не проходит ни один. Повторить её не пытаются – девочка учится в особой школе для юных волшебниц, статистическая нестабильность – её кредо. Амадей лично обещал навестить её, он тоже так не умеет. Рядом с ней говорят шёпотом – девочка не улыбается, она серьёзна. Девушек приводят посмотреть на неё, юноши держат их под руку, им кладут голову на плечо, и стоят, любят. Рядом с ней попадаешь в другой мир, в котором чудеса возможны. Пузыри поднимаются в небо, затихший вечер и безбрежное небо как пристанище для их полёта. Каждый пузырь она посвящает возлюбленным – один скрипач, бросив замковый оркестр, присел неподалёку и наигрывает медленную историю. Возлюбленные наполнены признательностью и загадывают желания, одинокие провожают шары глазами. На некрасивую девочку смотрят с непониманием, или даже не смотрят. Она говорит на непонятном языке, состоящем из птичьих трелей, движения её рук синхронны и нарушают симметрию лишь коснувшись стеклянной дудочки. Простая, никем не замеченная, она бродила по аттракционам, посчитала шансы в лотерее, поскучала ища четыреста отличий, и решила занять себя сама. Попросила у мальчика дудочку, и... Если бы не шум, шары бы получались лучше, она бы предпочла побыть одна, но раз уж так сложилось... Глядя сквозь пузыри на людей, она видит их изменившимися, посерьёзневшими, словно снявшими легкомысленную шелуху, позабывшими паяцанье и торопливость. Торопливые никогда не научатся равновесию, а внутреннее равновесие – первый залог хороших шаров. А когда шар не хочет лететь – на него нужно подуть, набрать полную грудь воздуха, открыть кругло рот, и медленно выдувая воздух, отправить его в небо. В небе шары неуязвимы для мимов, и мимы, окружив её, любят ими издали, застыв в очаровании. Сжалившись, девочка дарит одному миму шар, он держит его на вытянутых руках, и осторожно подносит потрогать каждому. И с тревогой, волнуясь, что что-то случится, волнуясь сильнее, чем во время игры, люди прикасаются к чудесному шару, и с улыбкой облегчения смотрят друг другу в глаза. И возлюбленные, держась за руки, шепчут слова любви, смущаются, и просят разрешить коснуться ещё. Касаются и дети, голубоглазые и зеленоглазые, кареглазые, с глазами жёлто-коричневыми и сине-серыми – касаются на память и молодые маркизы, и светловолосые фрейлины, и повариха-Ленела, и замковые горничные, юноша-подмастерье и герцогиня Мантуа. И забыв на миг свою жизнь, они обещают друг другу стать счастливее в этот вечер, пока колесо Замка отбивает грядущие сумерки. А мим, вдохновлённый важностью роли, осмелев под взглядом удивительной девочки, касается мыльной плёнки, проникает пальцами внутрь шара, и вместе с ним, держась за него, медленно поднимается в небо. И люди, запрокинув головы и следя за его полётом, затихнув как никогда в жизни, позабыв говорить и дышать, обещать и верить, провожают задумчивого мима, пролетающего над старыми замковыми башнями. А девочка, оправив косу и опустив дудочку, окинув взглядом других, тихонько отправляется к скрипучим качелям. Маленький миг счастья открывает вечерний бал.

* * *

Женщины рождаются для балов. В темноте полярных ночей, в переходах замков, в постелях и умывальнях, в окружении сановников или простых друзей – женщины готовятся танцевать. Движение и воображение, сложный адюльтер, искусство полуслова, лилии рук и мягкие ресницы – созданы чтобы быть. Чтобы говорить о них и вспоминать, ждать, гореть, улыбаться, и, отпустив себя, – рассмеяться всей душой. Чтобы удержаться на каблуках и пуантах, взлететь, поддержанная партнёром, взмыть над землёй, и приземлиться под взглядами ликующей судьбы. В мире избыливающих слов женщинам не хватает свободы – последняя возможна лишь в танце, под музыку Штрауса и хореографию Петипа. Подводный танец, в объятиях быстрого дельфина, невозвратим и вольготен, и – ах! – почему же дельфины не умеют целоваться? Танцы под куполом цирка, несомые лентами маятника, овациями и тяжким трудом созданы для отчаянных, танцы на песке, на берегу бескрайнего моря, – для самых счастливых. Мужчину так сложно заставить танцевать, заставить помолчать, послушать себя и забыть упрямство – и женщины танцуют вместе с женщинами, репетируя и готовясь. А строгий хореограф, лишённый всякого человеческого начала, посвятивший свою жизнь исключительно развитию двигательного воображения, так и норовит, в наказание и во исполнение художественного замысла, посадить тебя в расписной вазон, и изображать попеременно волнующиеся годеции и ветреную любовь. Ему не стыдно и покормить тебя из ложечки сметаной, и вытереть платочком рот – его снисходительность не знает никаких границ. А насмешливые подружки станут играть в пантомиму, передразнивать и флиртовать с проходящими мужчинами. Оттого осторожные, убежав от всех, танцуют в одиночестве в беседках замкового парка, среди срываемой ветром листвы и кельтских божеств. Музыка звучит у них внутри, выбираемая порывистым внутренним ветром, вместе с полётом каблучков, подхваченных вихрями нот. Танцующие на аллеях и среди колонн, на ступеньках, на парапете, на террасе – танцующим нет числа. Молодая пианистка танцует одними руками, ей уже посвятили оду, а она лишь взглянула на дерзкого почитателя – какой мужчина сравнится в совершенстве с роскошным роялем? Но вот, седой князь подвигает к роялю стул, кладёт на клавиши руки... Четыре руки сливаются воедино, они уже признаются друг другу в почтенном любовании, смеются, флиртуют, спорят... Они обходятся своим языком, они посвятили ему годы жизни, труда, страсти – кто же другой поймёт их? Что им до дерзких поэтов, роскоши, вин, Галеона, золота... Её игра изменилась, она уже пытается ему что-то доказать... Своё превосходство? Так он же написал эту музыку, просто она не знает... Она превзойдёт его, он не исполнитель, он творец. Кто-то расскажет ей об этом, она сильно удивится. *Какая встреча... Так вот Вы какой? Я так любила ту сонату... Напишите?.. Для меня...*

Те, кому не довелось найти поклонение одного, ищут восхищение многих. Танцующим в одиночестве оно даётся легче, загадочный закон обрекает на него. Поклонение бывает разным, но ему запрещено прерываться близостью. Как можно быть близким с Богом? Эта близость уже сравни обожествлению. Ты даришь им себя – и они сохраняют драгоценное, они дорисуют тебя и твою жизнь, увидят во снах, напишут стихи... И не подойдут. Оставят тебя одну, чтобы не сжечь этот порыв, не вернуть на землю, не понять. Это зовётся мудрым – пойми же это, танцуя на парапете. Улыбайся, рисуй лилиями рук... Праздник подарит этот шанс, осмелиться и забыть о близости, счастье, крепких руках... Остаться одной на удивительной вершине, совершенством. И долго плакать в подушку от скребущего жестокого одиночества. Мечтая, чтобы кто-то однажды постучался в запертую дверь... Не бойся, этого не суждено... Танцуй...

Праздник знает людей. Он не даст им уединиться, не даст побыть вдвоём, спрятаться. В огромных залах растопят камин, просторы парка окружит ночной холод. Для полноты счастья люди попросят уюта – и не получают его. Им принесут вина и стекла, желающие отведают ужина,

будет фейерверк, сцены, песни... И люди, и маскарад, и смех, смех, смех... *Уют в Замке? Вы шутите? Уют возможен лишь на чердаке. Поговорите с придворным математиком.* Сил хватит на многое, ночь длинна. Можно успеть влюбиться и расстаться, и влюбиться вновь, в каждую новую партнёршу, в каждую встречную маркизу, молодую и яркую.

Любовь легка как глоток вина, лишь каждый пьянеет по-своему. Искусство лицедеёв, талантов и лиц, любовь взрослая, простая как птица. *Мы не верим в любовь и никогда не поверим в неё, мы пришли танцевать. А Вы?* О, я пришёл любоваться. Любовь – райская выдумка... *Как я с Вами согласна... У Вас в глазах...* Соломинка? *Да, маленькая соломинка.* Держитесь за неё... *Боюсь утонуть...* Любите этот вальс? *Безумно.* Пойдёмте, а то опоздаем. Зачем мы говорим друг другу Вы? *Мы же на балу...* Ты любишь Гофмана? *Гофман...* *Слышится дремучий лес.*

Сколько препятствий на готовящемся пути... Мужчины и женщины, молодые и сидящие, баснословные фамилии, экстравагантные поступки. Сколь многие положат на неё глаз, станут смешить и смеяться, опять заговорят о любви, увлекательно, правдиво, порывисто. Говорить, говорить блестяще, как ты умеешь.

Мой следующий танец уже заказан. Отмени его. Не могу, я же обещала. Не смейся, чего ты? Ты не один. И ты не одна. Но я буду тебя ждать. Я танцую с Аллиетой, знаешь её? *Познакомь нас. А она кто?* Какая разница. *О чём мы говорили?* Не помню. *Ты слишком крепко меня держишь. И я старше тебя.* Ты богата? *Безумно.* Тогда я украду тебя. *Тебя поймут и отправят на каторгу.* Я успею тебя зарезать. *Как же...* Я ношу на груди маленький дамасский кинжал. *Моя любовь стоит дорого.* Ты богата? *Безумно...* Нас найдут на рассвете. *Ах! Не делай так! Ах!*

Те, кто не танцует – говорят, говорят блестяще, вдохновенно, под аккомпанемент и обожание. От одного переходят к другому, рождается соревнование, турнир. Что рыцари... Кому теперь нужны они? Вокруг адъютанта Императора собрались молодые повесы, он привычно блистает в своём кругу. Этим летом в моде панорамы писателей...

Сейчас, сейчас, он должен подойти к ней, догнать, нужно спешить, за мостом она повернёт, её могут встретить, там уже стоят. Нет, нет, бежать нельзя, она испугается, она уже оборачивалась. Поторопиться, быстрее, сейчас уйдёт, прилив недолог, опять стану описывать эти перила, виньетки, к чему виньетки, проклятый чердак, какое вдохновение может быть на чердаке, будь проклят тот день, когда я приехал в Париж, вместе с издателем, вместе с сыром, эта проклятая сцена на мосту, что же написать? Нужно поймать её, во что бы то ни стало, нужна тревога, показать его коварство, лживость, он не пропустит шанса, сегодня он свободен, нельзя пройти мимо этой штучки, обязательно. Уже четыре недели пишу о его жене, сколько можно, денег осталось на четыре дня, нужна кульминация, новая завязка, нет времени в прачечную сходить, записался. Какие могут эмоции в четвёртом часу ночи, какой баран познакомил меня с этой бараниной... Он хватает её за мантию, он торопится, речь бессвязна, он искал её, да, да, она нужна ему, никогда, как она могла забыть, детство, рощица в лесу, они... Нет, нет, он не Шарль, он Эмиль, Эмиль. О нет! Я обознался, как я мог, ты не Сегретт, нет, о горе мне... Несчастье, как объясниться, поймите, я не думал, не знал... Горе, горе... Сейчас, сейчас, он поведёт её, попалась, как это просто... Мост уже заканчивается, мосты короткие, к набережной, поцеловать её там, понюхать...

Дома у нас в форме грибов. Что Вы улыбаетесь? Крестьянам нравится. Каким покрашишь – так и назовут, у нас в большинстве белые грибы и подберёзовики. Окна, ясное дело, – вишенки. От плетней мы отказались, они архаичные. Водонапорная башня у нас сосной. Сосна с лестницей, по ней детвора лазить любит. При церкви библиотека. По воскресеньям у нас литературные вечера проходят – один выступающий декламирует, остальные наслаждаются. Обстановка камерная, стулья мы ставим в полукруг, женщины садятся в середине, мужчины – по краям. Приходят со всего села, учатся. Крестьяне у нас светские, предпочтения класси-

ческие. Отдаём дань поэзии, прозу читают реже. Женщины эмоциональнее, они чаще темы любовные берут. Мужчинам ближе поэтическая история, баллады, сказания. Некоторые пишут сами, и очень талантливо. Посвящают нашим местам, краю. В праздники мы тоже вечерами собираемся, музыку слушаем. У нас лишь певцы, играть цыган приглашаем. Музыка народная или цыганская – мы от них зависим. Их музыка нам чуть дальше, но мы уже научились понимать. Цыганки одеваются скромно, да...

Вина Замка... Кто не пробовал их, кто не вспоминал? Не их вкус женской помады, не горечь послевкусия, а тот неповторимый аромат изменившегося мира? Мир расширяется, становится выпуклым как сфера, фокусируясь на единственном из многих лиц, а окружающее утопает, расплываясь, стираясь.словно увиденный через линзу, он то растёт, то сжимается, то начинает кружиться вокруг неё, теряется в ступеньках, коридорах, за запираемой дверью, теснится в ударах сердца, запечатлённых на картинах, перекачивается от окна к окну, мелодии звучат издалека, слышен рассеянный шёпот, люди встают, садятся... Мир, похожий на женское тело, как юноша он начинает с глаз, лица, зреет, обращается к пушке при её губах, к её тазу, разросшемуся животу, он теснится вокруг её шеи, запрокинув голову, опуская её... Томя... Он бредит, бьётся, звучит, с её рук свешиваются лианы, как хочешь обвить её ими, пересилить. Изогнуть... Её ноги согнуты, по спине бегут мурашки, ей тесно, она хочет вырваться, выбраться наружу, и заполнить больший, высший, новый сад, и там излишен твой порыв, эти скрипки и платья, и сам ты. И слово, признание, она цедит их сквозь минуту, она сейчас упадёт, подкошенная, во власть твоих рук. Всё несётся, плывёт, мир потерялся позади, оторвался и уносится, вместе с глазами, он спрятан в её запястьях, между лопаток, в линии позвоночника, спускающейся вниз, к её ногам, под колени. Поцеловать подъём её стопы, натянутой до разрыва, до крика, сведённый судорогой, – весь свет мечтает об этом. И длить, длить до бесконечности этот поцелуй, отнять у неё силы, мысли, воплотить всю её, до последнего глотка, вычерпать и вырваться самому, упростить её, как слугу, девчонку. Шутку... Но Змей, проклятый Змей, он щекочет её, она начинает хохотать, она всё поняла, она извивается, бьётся. Ей уже смешно, ей уже не нужны пончики, не нужны подарки, маски – ты просто пьян! – и всё разбито. Она хохочет, уходит к другим, они передают её друг другу, ты ловишь её, пощёчина. Она закончена – ты уже пройден, она мчится дальше, к другому. Он запирает за ней дверь, снова смех. Снова разговор, танец... Признание, смех, признание. Пощёчина... Пьяна уже она.

Волосы. Что может быть проще, понятнее? Поверите ли – столько лет, столько встреч, и по-прежнему не могу наглядеться. А уж на ветру... Вообразите, осень, тёплый день золотого бабьего лета. Я сижу на скамейке, читаю, философское. Проходят мимо люди – и вот одна присаживается ко мне, на другой край. Я гляжу на неё... Диво! Волосы свободные, буйные, ветер их тревожит – не могу не смотреть. И знаю, что ей беспокойно, а себя оборотить не могу. Встаю, подхожу к ней, говорю: Не знаю, как Вам объяснить, но объясню прямо. Можно я рядом сяду? Она от моего приёма отвела глаза, подумала и говорит: Садитесь. Я сел. Теперь они ближе. Чувствую по себе – если ничего не произойдёт, час смогу смотреть, не отрываясь. Они для этого рождены. Думаю, чем её занять. Спрашиваю: Вы философию любите? Она, конечно, голову задрала, смотрит уверенно. Магистром представилась, из естественных. Я только этого и ждал. Говорю: Не будете так любезны, у меня сборник, философская поэзия, я многих мест не понимаю. Особенно это место – листаю наугад, выбираю стихотворение, о почках. Говорю: Со всей предрасположенностью к Вашим блестящим познаниям, не могли бы Вы в трактовании пауз и метонимий? Она возгордилась, грудь колесом, осанку держит – думаю, всё. И она напрямик в эту философию. Она читает, я гляжу на волосы. Благодать. Час сидим. Два. Я изредка вставляю комментарии, шучу. Она серьёзна. Третий сидим. Я уже начал...

Замок... Как совершенен Замок. Каждый может найти в нём себя. И поискать себя в других. Разве мы не этого ищем? Своих ошибок, слабостей, милостей... Поговори со мной, поговори во мне, нашупай то, что нас сблизит, слово и дело, связующее звено, лаз. Что-то отпеча-

тается на лице, но большее хранится, как в старых замковых сундуках. Из рук в руки передают письма и открытки, они написаны инкогнито, и все авторы – среди приглашённых. Легко различить почерки, мужской и женский, можно уловить и возраст по оборотам – можно узнать о человеке многое, по одному лишь письму. Но узнают уже знакомое, продуманное и понятное, оно бросится в глаза, скроет детали, обманчивые детали... Кто поверит, что несколько дюжин писем написано Амадеем, десяток принадлежит перу Императора, есть и письма адъютанта... Стоит лишь попросить помочь с почерком знакомого, чуть видоизменить привычный оборот – и вот уже два разных человека глядят внимательными глазами. Стоит войти в зал, выйти и вернуться, оправить, поправить, вспомнить позабытый анекдот. *Знаком?* Разумеется. *Встретились три инкогнито...* Безумная лёгкость создания анекдотов как мануфактура по пошиву заплаток, стилистика второстепенна, пунктуация маловажна. Кто-то заберёт себе письмо на память, и будет бродить по Замку, слушать жалобы эстеток, запертых в чуланах, глядеть на костюмы, костяшки рук...

Кто же она, какова?... Сколько ожидания на нескольких строках – думала ли, что корреспонденция станет всеобщим достоянием, что испытала, обиделась, обрадовалась? Сколько несправедливости в этих вечных обмолвках, ошибках, неточностях – что общего между её вальсом и её лирикой? Неужели это можно уловить, и кто-то, как Амадей, уже знает, не по зачёркнутой подписи, не по конверту... По пульсу... *Нет, это невозможно, и Вы не убедите меня никогда.* Позвольте Ваш пульс... *Извольте.* Вы волнуетесь. Ждёте кого-то? Сколько же попыток нужно сделать... А если найти её подругу, останется ли её след? Или это уже наваждение, издёвка?... Кто-то другой может искать её, это письмо попало ко мне через руки, его читали, переписывали... Ходят и несколько копий... А Вы Замку пишете? Напишите, обязательно напишите. Замок отвечает всем. Может, это лишь подлог, ловушка?... В Замке всюду ловушки. Вы никогда не слышали легенду про сундуки? *Нет, не надо мне Ваших легенд. Я занята.* Ждёте кого-то? *Уж точно не Вас.* Почему так точно? *У Вас бант фиолетовый на груди.* И что же? Не понравился мой бант... Это я для неё. Она поймёт, это в письме написано. Выйти на сцену? Здесь нет сцены... Нужен либо скандал, либо что-то... Писать на стенах запрещено, кричать запрещено. Где же она? Вы любите Пуччини? *Кто такой?* Сам не знаю. *Звучит драматически. Выпьем по бокальчику? Скрасим обстановку.* Можно. *На брудершафт.* Это пошло. *Согласна. Тогда я буду поить Вас, а Вы – меня.* Это тоже пошло. *Жизнь – чертовская пошлятина.* Не могу не согласиться. Можно Ваш пульс? *Только в шее.* В шее, так в шее... У Вас аритмия. *Теперь я. У Вас вид глупый. Снимите бант, отдайте его мне.* Я Аллиета. Рад... Смотрим вверх.

Окружённый слушателями, экскурсовод по привычке исполняет роль гуру, и уверенно углубляется в пространство Замка. Лабиринт из комнат бесконечен, как и терпение почитателей искусства. Они перевозбуждены изменчивостью окружающего и внимают, приоткрыв рот. Библейские сцены уже оставили за собой должное почтение, как и первое *Искушение*. На очереди очередное творение неизвестного мастера, заимствовавшего кое-что у кое-кого. Полотно программно и панорамно, название отсутствует, группа закорючек напоминает...

...Знак Зодиака, Весы. Сцену наблюдает множество людей, люди вокруг, рядом, на балконах, в окнах. По краям, вторя принципам зрения, лица неразличимы, всё расплывается. Чем ближе к центру, тем яснее и наполненнее становятся образы, прорисованность нарастает. Её пик совпадает с умопомрачительной по исполнению ладонью. Брезжит рассвет. Она прижата к колонне, на выходе из древнего Храма. По полю идут жнецы, там крутятся жернова мельниц. Летят петухи. В полях мазками изображены пары, они в красном. Это намёк. Её гордость пылает в центре. Его сила победит её лишь отчасти, ответ таится в ладони. Это преграда. Он должен завязать ей рот, зажать, иначе она закричит. Люди с нетерпением ждут этого крика, знака наставшего утра. В зените фиолетового неба стоит Луна, она окружена семнадцатью лучами. За колоннами виднеется хохочущая богиня, хохот близок к изнеможению. Это

от долгого хохота. Крыша отсутствует. По ступенькам, подталкиваемая радостным Сизифом, катится мраморная колонна. Лужи кефира олицетворяют...

Изучая этот параноидальный шедевр, танцующие исполняют котильон. Пьеро и Буратино ищут новые прочтения, обучая Мальвина говорить широко приоткрывая рот. По цепочке передают виноградины, их полагается растирать в ладонях и пробовать маленькими кусочками. Жеманные учат новые жесты и мимику, помогая себе шеей и плечами, за ними волочатся царедворцы, помогая себе бородой и трезубцами. Тютельки в тютельках разбирают нюансы правильной речи, стойки демонстрируют непоколебимую диалектику. Философские аспекты неоплатоников сильно промокли, их сушат возле камина и на пылких телах поклонниц Байрона. Пьеро и Буратино прыгают через скакалочку, Мальвина флиртует с дирижёром. Дюймовочка уравнивает пары гостей при помощи гирек и греческих ваз. Красная Шапочка выпустила волосы и позирует на Колесе Замка, её просят исполнить ласточку. Гамлет предлагает Офелии прогуляться, Офелия отвечает ему грациозным отказом. Печальный Гамлет вырезает из третьего тома иллюстрации и мастерит из них оригами и коллаж. Щелкунчик причёсывает Золушку.

Время течёт быстро. Участвующие спешат, спешат поймать как можно больше бенгальских огней, летящих с потолка, проследить за соколами, выпущенными в залу, узнать историю костюма и попиливать на специальной скрипке величиной с Дюймовочку. Среди приглашённых бродят Слушатели, они записывают каждое услышанное слово и складывают записи на стол придворного математика. Театралам раздают сценки из архива, их наспех гримируют вызвавшиеся любительницы. Из аквариумов вылезают развеяться офиуры и голотурии, и под руку с джентльменами и дамами прогуливаются в направлении парка. С них течёт, от них пахнет рыбой, но это не смущает истинных ценителей. В парке игривые перебрасываются кокосами и отдыхают в гамаках, потом идут греться обратно, в Замок. Реставраторы выдают экспертные заключения замковому коньяку, поэтические вдохновители обрезают кусты в форме форели, бегуны торопятся. Серьёзные люди заняты серьёзными делами, они недаром пришли сюда. Охают и ахают ходячие мелодрамы, трагифарсы пиликают ноктюрны. Кто-то придумал себе забаву, играя в Лунатика и мешая плясу под арию Ромео. Веселье, представляемое каждым, буянит и бродит, подначиваемое обильными конферансами и конфетами. Время близится к концу, через четверть часа Замок объявит Ночь. Потушат свечи в коридорах, оркестранты уберут инструменты и пюпитры. Со столов станут уносить вина, ещё через четверть часа вступит в свои права Тишина. Закроют окна, двери оставят открытыми. Поднимут трап Галеона. Печи перестанут топить, желающие смогут сами принести и подбросить дров. Люди найдут, что делать, к кому примкнут и приткнутся.

По коридору, оторвавшись от проводимой переписи населения, идёт придворный математик. Впереди него – дама, она попросила уединиться, в письменной форме. Болит голова. Он откликнулся, глянув на часы. Шагая, он пытается подобрать тему для разговора, это не получается. Они проходят мимо Анастасии, шепчущейся с блистательно одетым незнакомцем. Поворачивают раз, два, начинают подниматься по ступенькам. Мимо проносится смеющаяся парочка; адъютант, молча кивнув, спускается вниз. В одном из коридоров виднеется силуэт Амадея, если это не ошибка. Он исчезает за закрывшейся беззвучно дверью. Идут дальше.

Долго идти? Да. Свободных комнат мало. *Конечно, столько людей...* А Вы? Я придворный математик. А. А я обычная. Немудрено у Вас заблудиться. Свеч мало горит.

* * *

Ночь. Слышны шаги. Усталый царедворец медленно бредёт по Замку. Возле некоторых дверей он останавливается, в некоторые комнаты заходит. В комнатах спят, или притворяются. Изредка раздаётся храп, ругань. В коридорах прячутся люди, мужчины и женщины. Кто-то стоя

занимается любовью, кто-то спит в обнимку на полу. Изредка он обходит лужицы вина, некоторых тошнит, они открывают окна вопреки запрету. Пьяные солдаты с трудом отдают ему честь, раскланиваются и белые голубки. В комнатах разбросана одежда, в постелях лежат по трое и по четверо, Замок не оставляет людей в одиночестве. В одной из комнат подростки играют с проститутками в бутылочку, по-соседству читают Пастернака. Несколько дверей закрыты, кто-то предусмотрительно запасся ключами, оттуда раздаются шумы и выдохи. Это справедливо, думающие предусмотрели возможное. По Замку ещё можно ходить, запрет только вступил в силу, но кроме молодой куртизанки ему никто не встречается. Она ищет комнату 284, та довольно далеко. Он может проводить её, сейчас небезопасно. Она отказывается, уходит. Царедворец подбирает с пола надутый воздушный шарик, привязывает к пальцу руки. Оставляет этот палец на окне, бредёт дальше. Он обречён бродить всю ночь, царедворцам запрещено спать. Он будет следить за соблюдением порядка, в темноте люди сильно меняются, и это известно Замку. Ослабляются искусственные границы, подкрепляемые светом. В открытую дверь может войти человек, и исполнить любой свой умысел. Это его право, это Ночь. Многие комнаты пусты, особенно те из них, что лишены окон. В одной из них царедворец останавливается, присаживается на постель, зажигает свечу. На полу валяются открытки, на них – влюблённые. В сундуке, доверху набитом этими открытками, зияет дыра. Ночью открытки смотрятся иначе, почти лишённые эмоций. И Романтика, и Проза любви видятся далёкими, почти незнакомыми. Эти чувства кажутся позабытыми. Их трудно вспомнить, всё выглядит тёмным, неуловимым. Это одна из комнат при мастерской по проявлению фотоснимков. Это бессмысленное знание зачем-то мешает перебирать снимки на постели, раскладывая их как карточную колоду. Ими иногда играют, царедворцы. Вот Аллиета, запрокинувшая голову, там Ромео, пытающийся попасть ключом в замок. Брызнувшее шампанское, люди ловящие пробку. На одном из снимков и сам он, в костюме Дюймовочки. Узнать сложно, человек выглядит чужим. Разложив пасьянс, царедворец поднимается, ему пора идти. На прощание он окидывает мельком кровать. Император, завязывающий Анастасии глаза. Соколы. Дамасский кинжал на оголённой груди. Свеча. Маленькая девочка, запускающая в небо пузыри. Мим, пролетающий над замковыми башнями.

Энциклопедия

...Девятый том Энциклопедии посвящён древним обрядам и религиозным течениям. Написанный знатоками древних культур и традиций, он наполнен эстетическим по своему смыслу посылом. На его фронтисписе изображён мраморный рельеф, *Три нимфы с кувшинами*. Похожие как сёстры, облегаемые дивной по лёгкости пеленой, раскрывающей в складках всю природу их бытия, они сопереживают движению. Заключённые во мрамор и желающие вырваться из него, обречённые на кажущуюся неподвижность, переданные освещением фронтисписа, они ликуют, предвосхищая близящееся. Их символизм, композиция, открытое соблюдение своих исконных традиций приоткрывают завесу вечера. Рельеф *Нимф* отображает мечты авторов – преданные продолжатели Традиции, они мечтают об оживающем слове – слова, сходящие со страниц, оживают. Каждому из слов назначен свой Образ, Рельеф. Среди-земные, изобилующие византийскими мозаиками, начиная со времён и заканчивая ими, слова выстраиваются в цепочки, бредущие по стопам друг друга. Каждая из цепочек шагает по луку, окружённая цветущими лириями. Вдалеке, за перешейками гор, спрятана Гавань, а в ней – Древний Амарий, встающий из глубины. В тех горах проживают Ловцы – они ловят нимф и заключают их во мрамор, они ловят жемчуг и нанизывают его на цепочки. Эти цепочки они прячут в кувшины нимф, и если нимфа проронит кувшин, он разобьётся. Из осколков они выберут один, и спрячут у себя на груди. Тенелюбивые и мнемонические, цветут гортензии на красных полях. Собирая маки, они машут нам изо всех сил. За окном виднеется Царство, над Озером парят испарения. В ясных водах их необычные обитательницы лепят из пластилина подруг. Обожжённые и обжегшиеся, они греются летними полднями и полуднями. В палящих лучах Солнца много белого света, его можно забрать с собой. Белые огни летают над Озером, их видят паломники. Однажды они расскажут об этом. Расскажут женщины. Они станут мечтать, превратятся в застывших нимф и останутся в складках бытия, осыпанных кувшинами маков. И старые обряды уже не покажутся бессмысленными.

Листая страницы, Император волнуется. Картины дней его юности оживают перед ним. Он читает про грифов, про кашалотов, вспоминаются созвездия незнакомого неба, ночь, идущие люди... Среди страниц сохранился засохший коричневый цветок, он осторожно откладывает его. Без него найти было бы трудно. Всего несколько страниц о них, и ни одной иллюстрации. Имя автора неизвестно, список с утраченной безымянной рукописи. Первые слова, упоминания, переводы... Обряды...

...Обряды nereid неразрывно связаны с водой: в знак приветствия они умывают друг друга, в знак близости – вместе пьют воду, вблизи воды совершается и венчальный обряд. Образы Моря украшают их церкви, ими наполнены и лирические мотивы молитв. Радость омовения, очищения излюблена ими, она предшествует Взаимной Исповеди. Величайшее чудо Рождения изображают их фрески, другие отданы Кормлению, третьи – Зачатию. Язык их сливается из языка каждого, символ Поцелуя олицетворяет это. Многое посвящено у них Танцу, древнее поэтическое искусство Танца любимо ими. Посвящая друг другу мысли и книги, они отдают себя Одиночеству, нарушаемому Взаимностью. Дети их свободны, детские голоса слышатся отовсюду, многие nereidy посвящают себя детям. Многие посвящают себя Морю, его волнение слышится в них. Хлеб – пища их, пшеничные поля и Солнце сопутствуют им. Реки их холодны и чисты, как и ясные глаза, голоса их многочисленны. Велелепые, родом из Моря, они помнят его и чтят, от него исходит и глубина их. Иконостасы их изобилуют образами Рая. Первые упоминания о nereidax восходят к...

Император вспоминает церковь nereid, в одной из далёких провинций. Он побывал там однажды, много-много лет назад. Их сложность и простота, иное восприятие жизни и людей подействовали на него, ещё юношу, и он увлёкся языками. С тех пор он не раз порывался

вернуться туда, но времени не находилось. Нужно послать к ним человека, что он скажет о них, к чему придёт... У него будет время, он познакомится с людьми, узнает их лучше. Может быть, там найдётся и наследник... Культы, традиции – у них есть имена, о них думали, создавали... Молитва при свечах, кто придумал её? Свечи, зажигаемые днём, крошечное тепло. Свечи, зажигаемые среди ночи... Свечи и женщины... Нереиды любят свечи, изображения ночи и дня. Ночной прилив заполнен свечами... Образ людей, идущих в Море... Образ Взаимности... Издревле они дорожат красотой, её проявлениями. Свечи, плывущие по волнам... Их традиции зародились среди их легенд, они воплощают их перед взором. Сказаниями и поэмами заполнен их мир, и они сами подобны им. Молитва сливается у них с Неудержимым... Молитвой открываются они друг другу, в тишине...

Маленький принц

...Нет нужды торопиться, господа... У нас впереди долгий день, изрешечённый парами тиков и порами пор. Давным-давно, ещё будучи ребёнком, я повстречал одного старого проповедника, поверенного Императора. Он шатался по улицам, лишённый каких бы то ни было намерений, и за тот час с небольшим, пока я шёл за ним по пятам, он четырежды останавливался и по нескольку минут смотрел вверх, на бегущие облака. Один раз он споткнулся и чуть было не упал, но удержался, резко выбросив руку в сторону. Потом я отстал от него, заглядевшись на красочную витрину сувенирной лавки, и пока я осматривал её содержимое, он исчез. Спустя несколько дней я повстречал его снова – он чертил на белой стене изогнутую линию, напоминающую змею. Я критически оглядел её – видимо, его уязвило моё отношение, и он вежливо указал на это мне. “В кодексе Розмарина, – сказал он, – упомянуто восемь первых правил, касающихся взаимного первознакомства. В шестом правиле, мой молодой друг, упомянут символ Дренегара, он же – пятилистный сурьмяный клевер. Его первая линия, весьма поверхностная штучка, проходит, ориентируясь на волосы собеседника. И прямым светлым волосам определена...” – дальше я уже не слушал. Будучи в прошлом знаменитым оратором, он не преминул блеснуть передо мной своим владением речью, не придавая ни малейшего значения моему невнимательному интересу. Я почти сразу заметил, что он вступил в противоречие со вторым правилом, и, несколько отдалённо, пренебрёг одиннадцатым – но для большей ясности мне требовался весь свод, а не не слишком точные извлечения. Выслушивая этого человека, я пребывал в полной уверенности своего интеллектуального превосходства, и в мельчайших деталях мог бы проявить его, возникни в этом какая-либо надобность. Более того, зная, а точнее, догадываясь, что он состоит прямым и косвенным советником Императора, я возомнил о себе необыкновенное, уникальное первомнение, сочтя себя почти равным самому Дренегару. Увы, я заблуждался... Он попросту дурачил меня, за неимением каких-либо других занятий. У него было слишком много времени и слишком мало желающих провести его совместно – и он обрёл в моём лице наиболее подходящее. Возможно, его привлék и мой возраст – мне было одиннадцать, третье магическое число Дренегара, после 6.5 и Ф. Архаизм...

В те годы я сильно увлекался игрой в напёрстки. Кости не задели меня, как и другие игры основанные на них, но напёрстки! Напёрстки были моей страстью. И вот, уже при третьей нашей встрече он догадался об этом и продемонстрировал своё умопомрачительное мастерство напёрсточника. У меня не возникло ни единого, ни малейшего подозрения – я был попросту загипнотизирован непрекращающимся движением его рук. Он мог играть в напёрстки часами, целыми днями напролёт, и каждый раз, каждый раз он обманывал меня. А когда он сообщил мне по секрету, что сам Дренегар славился этим искусством по всему нашему краю... Мне оставалось лишь развести руками. Я был на грани отчаяния, на границе своего терпения и самообладания, когда он предложил мне упростить игру, добавив второй шарик, – теперь-то я обязательно угадаю – самоуверенно посчитал я, и с азартом согласился. Что бы вы думали – мне снова не удавалось ни единого выигрыша, я каждый раз – каждый раз я выбирал единственный пустой напёрсток. Это становилось невыносимо, напёрстки преследовали меня, я часами тренировался по ночам в своей комнате, мечтая хотя бы раз правильно угадать напёрсток. Как же можно каждый раз ошибаться? – недоумевал я в своих тревожных монологах – то ли я не туда смотрю, то ли слишком медленно реагирую – я пребывал в замешательстве, похудел, потерял всякий интерес к своим сверстникам и девушкам постарше. Я и подумать не мог, что ждало меня дальше, у меня не укладывалось в голове, как можно бесконечно ошибаться в двух шариках, но последовавшие за этим события... Одним словом, при встрече он предложил упростить игру, добавив к двум имеющимся шарикам третий. Третий! Я подумал, что он насмехается, издевается надо мной – и что бы вы думали? Поверьте, мне казалось, что я

схожу с ума, но каждый раз, раз за разом, я выбирал пустой напёрсток. В одном из двух других оказывалось либо два, либо все три шарика. Потом было и четыре, и пять... Я был побеждён. Это было моё первое, самое яркое фиаско – я осознал, что слишком поторопился, сочтя себя почти равным ему самому. Что уж тогда говорить о Дренегае... Уверяли, что он уверенно обходился с одиннадцатью, и – правда, я в это не верю – с тридцатью восемью шариками. В те дни я много открыл для себя. Знали бы вы, что же он исполнял, играя в кости... Неудивительно, что сам Император подпал под его неиссякаемое обаяние. Поговаривали, что он был горячим картёжником, и проиграл в молодости свою вторую жену. Но это, скорее, слухи.

...Шло время. Тот человек давно исчез, многие утверждали, что он рассорился с Императором и винили его, поступали и опровержения, один человек на рынке описывал, как встретил его на дороге, идущим в направлении Озера, – слухи множились, и разобраться в них и выявить истину выглядело уже невозможным. Он выпал из поля моего зрения, я увлёкся одной молодой девушкой, старше меня на четыре с половиной года, у неё было две сестры, обе мои ровесницы, моя мать забеременела в четвёртый раз, столько всего происходило – всего и не перечислишь. Однажды я лично стал свидетелем изъятия Императора – он прошёл со своей свитой по соседней улице, и я залез на крышу и рассмотрел его – седой человек с тростью. У меня тогда промелькнуло – неужто этот значительный и влиятельный человек с тем же впечатлением восторга и непонимания следил за игрой старого напёрсточника? Никогда бы не подумал. В этот момент он заметил меня и подмигнул своим левым глазом – от удивления я замешкался и лишь через мгновение помахал ему в ответ, но он уже смотрел в другую сторону – мне мелькнул в окне веер... Я не собирался слезать с крыши, но сзади, взявшись из ниоткуда, появился лысый стражник, и мне пришлось отправиться восвояси.

Когда мне исполнилось тринадцать, приключилось одно необычное событие. Оформили окончательно новую редакцию нашего языка, и в результате этой реформы моё имя утратило своё первоначальное значение. Более того, новое произношение сильно видоизменило его... В общем, случилось так, что пользоваться им в разговоре стало немного неудобным, и я отказался от него – не хотелось слишком стеснять людей, окружавших меня, да и новым людям употреблять его стало сложновато – некоторые запинаясь до трёх раз, выговаривая в слишком медленном, осуждаемом темпе все его восемь четырёхбуквенных слогов. Я решил, что нужно быть проще, и подсократил его, оставив всего пять, – знал бы я, что ждало меня в будущем...

В тот год, в неделю весеннего равноденствия, случилась одна из самых судьбоносных встреч в моей жизни. Вечером я шёл по одной весьма виляющей улице, занятый вычислениями в уме одного очень перспективного числа, и как раз в тот момент, когда я делил его на 641, со мной лоб в лоб столкнулась девушка, рассыпав при этом стопку довольно толстых книжек. Пока мы подбирали её книжки, я всё-таки закончил деление, и приступил к осмотру выбранных ею многотомий. Она была явно тоже занята – все семь многотомий были посвящены Каме и Монокаме, кроме того имелось четыре монографии и одна папка с непонятными листами. Я взялся за эту папку, собираясь попутно изучать её, провожая девушку до дома – и совершенно неожиданно для себя ощутил тепло её воздушного соприкосновения, а вслед за ним и колебания её необыкновенно подвижных губ, прошептавших мне вкрадчиво: “Смотри по сторонам!” Я был настолько ошарашен этим словоизъявлением, что лишь через четверть мгновения сумел обхватить её талию, дабы ни в коем случае не позволить ей исчезнуть в неудобном для меня направлении, – и лишь после этого приступил к подробному осмотру её папки. Папка содержала символы нелинейного письма тематиков – чрезвычайно любопытная синтаксическая структура, созданная по “призматическому принципу” – первое слово предложения выступает в роли призмы, через которую рассматривается второе слово, в результате чего каждое явление легко может быть рассмотрено через призму любого другого явления. Я настолько увлёкся возможностями этого комбинационного языка, что не заметил, как мои пальцы проникли в излишне тёплое место под её шерстяной кофтой, и оказались остановлен-

ными её чрезвычайно маневренными пальцами, перешедшими в контратаку под поверхностью моего ментана. “Мне не очень нравится твоё показное спокойствие, – снова возникла её голо-
совая ачарта, – при виде перевёрнутой призмы я уже не могла спокойно усидеть в книжной, и как вкопанная копалась в ней всю дорогу. Взгляни, сколько зиждется на простом, всем известном смысловом переносе. Расскажи, насколько твоё имя вписывается в эту саламандру?” – в этот момент один из её пальцев прочертил впечатляющую по смыслу траекторию, анализ которой потребовал серьёзного напряжения моих умственных способностей.

– Видишь ли, в силу последней переписи я оказался... – следующая саламандра заставила меня отказаться от намерения уклончивости. – Разделённое на восемь слогов, оно превращается в палиндром путём перерасположения...

– Сегодня ты можешь называть меня Талией, – зачаровала она меня очередным мыслепроявлением. – Моё завтрашнее имя мы предугадаем после правильного сорокадвухсловия.

– Ты уже слышала о дружественном числе Мерсенна? – в качестве первого комплимента приступил я. – Речь идёт о числе...

Что можно добавить?.. Мой пролог не продлился и пары минут, и в ответ она отблагодарила меня столь благожелательной волосовицей, что я едва удержался в рамках радостного очепромедления. Талия... Её забвения календарного семидневия, циклическая полнолунность, интимнозаметная фабулическая поторопливость, губы со вкусом хурмы и имбирные настроенчивости привели меня к поклонению мандолиной и рассыпчатому песочному Вару. Кама и Монокама, подчёркнутые совершенством её любимого числа 496, обратились в определение, почти сравнимое с заветом Дренегара, а галлюциногенное увлечение лесными и прилуговыми грибами... – многого я не понимал, но непонимание её полноохваченной Талии выглядело полноценнее совпадения наших любимых утренних первоцветов.

“Я заметила, что ты начал злоупотреблять моей грассоной, – говорила она в минуту приступа слабости доверительно-напитковой, – в мои сегодняшние посылы я ещё не разрешила тебе отменять вечернюю Пату. Вновь ты надумал меня обликовать – а слова, выражающего текущее, не просказал. Подходит ли для прояснения *Чаявана*? Взглянем через второй основной перевод. Читаем...” – я не слушал, не слушал её, но пальцы... Пальцы... Они вдыхали пыльцу в мои туманные грёзы, я не расставался с ними, ни ночами, ни при свете Луны, даже поблизости с матерью я чувствовал их тихую неназужность... Как же их описать без её изгибчатых лаконик? Поверите ли вы мне, но на её левой руке было – поверите ли вы мне? – на левой руке у неё было шесть пальцев. Шесть! Первое совершенное число! Боже, насколько оно прекрасно!

Не могу не упомянуть, что именно Талия в день моего 14-летия привела меня к одному из моих любимых методов исследования простых, совершенных и дружественных чисел, для чего используется следующее преобразование: натуральное число заменяется на сумму всех своих делителей, отличных от него самого. Эта операция снова применяется к полученному числу, и повторяется раз за разом, и либо приводит к циклу из нескольких дружественных чисел, либо же конечное число является совершенным или простым. Все числа получается разбить на ветвящиеся классы! Причём почти каждый заканчивается своим собственным простым числом! Чудесная идея – она выразила её фразой “Повторяй за мной!” – и пока я повторял, меня навестила эта благословенная мысль. Я решил начать с числа 1001 – очень элегантное на вид число. Подсчёты заняли у меня довольно много времени из-за моего упорного нежелания брать в руки карандаши – карандаши Талия забирала и не возвращала, и лучше было их не трогать – она принималась ими рисовать, причём всеми сразу, и если я не разрешал воспользоваться своими стенами и стёклами, то она принималась за свой воображаемый живот – после этого вечер можно было считать истраченным, мне оставалось лишь сидеть на полу и следить за вариациями её Камы. Последняя имела пятиминутные, трёхчасовые, двухдневные и месячные периоды, движение Луны по орбите вносило аperiodические отклонения второго

порядка малости – упрощённо говоря, она вела себя совершенно непредсказуемо и полностью предопределяла и моё поведение. Умопомрачительная по сложению Талия позволяла ей управлять мной, не приближаясь на расстояние вытянутой руки, – завязанные узлы дословия сковывали диапазон моих действий кратковременными варварскими набегами, беспрекословно останавливаемыми кинжальными движениями её пальцев. Вдоволь намечтавшись о легчайшем из прикосновений её подвижных нижних рёбер, я провожал её неумолимое утечение в книжную – и не мог освободиться от этого даже во время утреннего сна. Сам язык её полновыражения, испещрённый параллелями и долготами совершенно незнакомых мне градусных величин, вернее, всецело отрицающий их, обуял меня – нет, я ни словом не обмолвился об этом в наши обомлевшие двуединения, лежечитание её тянучих сутр воплотило столь ижмические переводы... Одним словом, я по уши влюбился, и избавиться от этой любви был уже не способен. Я часами валялся в утренней постели, воображая, что за многотомие она листаёт перед проходом в умывальную и каким маслом умащает свой текущий самомассаж, – у меня атрофировалось даже увлечение Ассолью, что не мешало мне всё чаще навещать её утрами – отвлечься от мыслей о Талии было настойчивейшем из моих пожеланий. Стоит упомянуть, что моя Ассоль отличалась поистине стоическим характером: она плавно выговаривала всё моё двенадцатой сложности имя, без тени жеманства разглаживала вышитые цветочки на юбке, загадывая от семи до одиннадцати загадок для построения магического квадрата, и, на прощание, позволяла взять на память любую деталь своей текущей одежды, но лишь если она будет беспоследственно отделена от остального шитья и вязания.

Я пошутил.

...Шло время, и идиллия моих визитов утрачивала свой первый блеск. Я стал замечать, что *Книга Дренега* явно не описывала всего окружающего – оказывалось, что и в других книгах, будь то сутры или кантаны, и много какие книги ещё, давались не менее ценные и тонкие решения, вполне подходящие для многочисленных прикладных случаев и задач. Не могу не отметить редкой монографии *Катавасия Истины*, обнаруженной мной в библиотеке моей матери, – несмотря на устарелость языка и упрощённость в описании листопада, эта книга, приводившая помимо прочего несколько очень интересных математических знакопеременных рядов, возымела на меня громадное влияние. Её автор, бывший шулер и повеса, в деталях рассматривая свою биографию, приходит к выводам о взаимосвязи блуждания с периодичностью. Демонстрируя её на конкретных примерах, он с непревзойдённым мастерством описывает, как некоторый род блужданий с совершенно явным периодом приводил его к некоторого рода периодическим действиям, и – невероятно, но факт! – некоторого рода периодические действия приводили его к весьма длительным блужданиям. Привыкший к простым математическим моделям, я не мог не признать всю полноту его правоты – увы, но сколько я ни пытался, я не смог воплотить это в изящном способе исследования простых и совершенных чисел. Но что ждало меня в будущем... Честно признаюсь, мне и в голову не приходило, что автор *Катавасии Истины* – монах-амицианец, выразивший в ней весь спектр своих фантазийных умовоззрений. Как об этом можно было догадаться? Если бы не Ассоль, и подмеченная ею особенность названия, мне бы и в голову это не пришло. Но я никогда не соглашусь с этой избитой амицианской фабулой “Не мыслью единой...”. Что бы вы мне об этом ни говорили.

Не могу не упомянуть нескольких слов и о моей матери. Будучи натурой свободолюбивой, она ещё в раннем детстве, увлечённая советами, данными в *Книге Редких Замыслов*, стала развивать в себе особенные, маловстречающиеся искусства. Прежде всего она увлеклась запоминанием запахов, внюхиваясь в руки и кожу встречаемых гуляющих, а наравне с ними и всего окружающего, живого и животворного. Так она научилась определять многочисленное из случившегося и происходившего по запахам, исходившим от человека, – и я неоднократно становился жертвой её необыкновенной усидчивости, не в силах противиться её желанию обнюхать меня. Отчасти благодаря этому она побудила меня к крайним степеням откровенности

в описании моих фантазий, ибо её свободолюбие не желало ограничиваться одними моими снами. Наряду с этим она овладела не менее ценным искусством различать формы и предметы по звуку, отражённому от них и ощущаемому кожей, что позволило ей овладеть искусством ориентирования в темноте. Лишённый этих даров, я, наравне со многими другими, лишь тоскливо воображал их в многочисленных неудачных сочетаниях – в то время как она полноценно наслаждалась последними, издавая по ночам высокие отчётливые звуки. Во время наших прогулок она нередко нарушала созерцательную звёздную тишину подобным же образом – и, охваченный восторгом, я предчувствовал близость, кою она поведает мне в своей неопишуемой манере ачарты. Её грациозные губы почти пылали горячечными имами, и, делясь со мной самыми яркими из них, она чрезвычайно возбуждала мою стеснённую фантазию попытками вообразить их невидимое движение и ощущение во всей полноте. Разговаривая вслух с собой, она не придавала значения, различаю ли я внутренний смысл её амшевого языка – со временем я обучился понимать вкладываемые ею значения, кроме тех случаев, когда они касались недоступных мне запахов и кожевому слуху. Позже – лишь много позже – я приучился понимать последнее как приступ неудержимой откровенности, желающей поведать мне свои внутренние стихии. Наделённая широчайшей полнотой природных чувств, прихотью природы она упустила их мужскую часть навсегда – я же был для неё надеждой восполнить последние отзвуками, издаваемыми поверхностью моей кожи, бывшей в её полновесной власти, особенно весной и ранним летом. В ответ она неумолимо соглашалась на ответное всепознавание, олицетворённое двумя сросшимися пальцами её левой ноги – признак сросшегося с любовью всематеринства.

В это время, размышляя над характером моей матери, я пришёл к крайне далеко идущим выводам. В этот момент, нужно сказать, я был занят одной игрой со своей полуторалетней сестрёнкой – она засовывала в отверстие в подошве тапка небольшой деревянный цилиндр, а я вытаскивал его обратно. Игра продолжалась уже в течение пятнадцати минут и несколько утомила меня – сестрёнка же, чрезвычайно весело улыбаясь, готова была продолжать её сколь угодно долго. Чтобы несколько отвлечься, я занялся сравнением её с её старшей сестрёнкой, любившей водить меня за палец, – после я перешёл к анализу своей ещё более старшей сестрёнки, и наконец, пройдя по ступеням, обратился к характеру своей матери. С удивлением я осознал, что её поведение ни в коей мере не может быть описано некоей цикличностью, и, без сомнения, никак не может называться блужданием. Более того, обратившись к другим примерам, я выявил, что подобное можно сказать и о Талии, хотя её поведение я доселе воспринимал либо цикличным, либо блуждающим – видимо, вторя Дренегару. Но на деле оно явно было чем-то иным, и, используя в качестве примеров также шахматную партию и мой метод исследования простых и совершенных чисел, я пришёл к выводу, что подобный характер поведения следует называть направленным развитием. Имея в своём основании и черты цикличности, и напоминания блуждания, оно на деле ведёт к некоей цели, осознаваемой в самом его процессе и управляющей самим этим процессом. И чем глубже я погружался в неё, тем больше осмысленного обнаруживал во всём меня окружающем. События, случившиеся с Плитией, поддержали меня в моих растущих убеждениях – ещё сильнее я поддержал их, обдумав воздвижение Палема, и – как ни необычно – поведение старого напёрсточника. Мне ясно увиделось, какой необыкновенной наивностью я был наделён в свои одиннадцать лет, воспринимая его движения как нечто необъяснимое и поразительное – на деле всё его поведение, вероятно, подчинялось совершенно определённой цели, иначе невозможно было ни объяснить его непередаваемое мастерство, ни само событие нашего первознакомства, ни всё то влияние, которое оказал он на характер моего поведения и мышления, – более того, несомненно и его близость к Императору имела вполне определённый смысл, подчинявшийся этой, наверняка весьма существенной цели. Каково же было моё удивление, когда перелистывая шестую книгу Дренегара, я столкнулся с монологом *Стрела*, полностью описывавшим моё открытие. Оказа-

лось, что задолго до моего рождения последнее было осмысленно Дренегаром во всей положенной полноте в необыкновенной метафоре *Неувядаемой стрелы*. Я был настолько восхищён её непоколебимым пафосом, что целый день, поражённый, проговорил об этом со своей девятилетней сестрёнкой – она легко смогла осмыслить аллегорию, и вдобавок привела множество очевидных (хотя и не пришедших мне на ум) примеров, после чего я, как и обещал, два часа проиграл с ней в шахматы, успев выиграть две партии и (для стимуляции её умственных способностей) позволив свести третью вничью (она залезла в пат). Именно с этих пор я стал вдаваться в тот самый смысл, определяющий весь внешний и внутренний облик нашего мира. И постепенно, шаг за шагом, мне стало всё совершенно ясно. Как мог я предугадать, сколько поразительных событий ждало меня в будущем? Но полагается, согласно нашему Этикету, дать слово моей матери.

Мать

То был обычный осенний день – я бы сказала, что он мало отличался от предыдущих осенних дней того года. Решив остаться на весь день дома, я расположилась у окна и взглядывала на проходивших мимо. Погрузившись в написание стихотворного плере, я попутно расшивала бисером свою пленону – вязевый рисунок показался мне наиболее подходящим для изображения возникавшего. Стремясь точно воплотить известный мне по переводам характер плере, я утончала каждую щемящую гласную носовым напевом, иначе плере превращалось в плерею. Совершенно неожиданно мне послышался голос младенца, взявшийся исполнять свою партию. Заслушавшись им, я напутала вышивки – его позыв не оставлял меня, и я, отложив в сторону текущее, прониклась им. Меня настолько захватило, что, отказавшись от трёх из своих узлов, я не подумала укрыться от проходивших взглядов – к голосу младенца добавился ещё один голосок, голос маленькой девчурки, прильнувшей к моему приоткрытому круглому окну и с удивлением разглядывавшей меня. Мне были слышны её неизвестные прежде слова – отвыкнув от своего детского языка, я успела разучиться улавливать его узнечики, и стыдилась признаваться в этом себе, как утончённой лингвинике. Я понимала, что моё самоначинание не останется нетронутым – лица мужчин, проходивших мимо, улавливали его лишь отчасти, в то время как женщины всецело погружались, повторяя со мной читотворное плере. Вскоре в мою комнату вошла юная девушка – поддерживая свой округлый живот, она поведала мне своё текущее, и оно влилось своею струёй в моё. Вместе мы принялись рисовать его, дабы усилить свою возникнувшую дельту, – ощупав её живот и руки, и многое из её телесного, и открыв ещё больше узлов, я, на праве старшей, оставила окно раскрытым, несмотря на чистую и трогательную просьбу, читавшуюся в её полусомкнутых губах. Играя глазами и слившись поцелуем передаваемого благословения, она, развязав ещё один из моих узлов, приотворила во мне дремавшее до поры пожелание материнства. Привыкшая к одиночеству плей, до этого дня я узнавала мужчин лишь телесно, проникаясь ихходившим. Ныне же, оставив бывшие узлы, я на глазах у каждого ослабила былую граду, всецело отворив себя. Последовав за мной, уже на праве старшей, она напоила меня глотком воды, и ушла, неназванная, иже невозвратимая. Понимая сие как дар, я последовала её примеру, войдя в один из домов, навстречу обитавшей в нём. Мы поведали текущее, замкнув и глаза, и губы, – всепознавание захлестнуло меня волною, подобно случившемуся в раннем. Шагая от одного дома к другому, забыв былое и сдерживающее, и вспомнив себя наиранней, я входила в осенние дома и поила каждую своим лиством. Тот незабываемый день перевернул бывшее, что я воплотила в ночной плее, наедине с вошедшим. Дивный клинописный миф, поведанный им, пусть и знакомый мне доселе, был поэтически изображён нами на коже моего живота – после чего, исполнив шепчущее этере, я целиком раскрыла ему своё. Мы уподобились птицам.

Та ночь, перетёкшая в рассвет, изнова осветила меня, и, заснув подле окна, я слушала токование тетеревов, гулявших подле, и кормила их зёрнами риса. Подобный знак подчеркнул себя, и, проснувшись, я вновь увидела девочку, встреченную вчера. Она вошла ко мне, любопытная, и, согласно положенному, проговорила утреннее радостное поздравление, светясь от счастья. Я не смогла сдержать счастливый поцелуй, после чего принялась сразу учить её первым палерам, попутно приоткрыв *Книгу Редких Замш*, мою детскую звезду. Узнав в ней зарождавшуюся себя, я подарила ей многие из своих первых книг, посвящённых лингвинике и одуанию. Понимая меня как знаменитую волшебницу, она воодушевлённо приняла мой огонь и понесла его в руках, неся на голове книги. Я смеялась, вспоминая себя, – её безбрежные русые волосы, ещё не достигшие пояса, были уготованы уподобиться моим, уже коснувшимся колен. Мы пообещали вплести наши имена в имена наших детей. С тем и расстались.

После накрывший нас туман вновь возродил моё единение – ныне же, облачённая новой опорой, отминувшей минувшее, я проступила пятнами. Болезнь, сопровождающая туманы, коснулась меня – готовленная к ней, я спокойно смирилась с прошедшей неповторимостью, и принялась готовить себя. Выбрав именно девочку, раздумывая над её верным именем и сроком, я проводила дни недвижимая, навещаемая моею Возникшей. Она приносила мне и трапезу, дивя меня своей превосходной кулинарностью, сама же я отворилась туманному, и оно завлекло меня. Пятна оставили меня через четыре дня, приизменив мой внешний облик и одарив множеством глубоких самопарений, описанных мною дельтой из девяти плиер. Вобрав их триедино по три, я, обессиленная, мучилась жаждою – как и положено, я дожидалась её прихода, чтобы разделить с нею воду, – к тому моменту я слабой рукой вписывала текущее, дабы поведать ей в ответ на её приветственное. Исполненная помощи, она стала мне опорой в эти дни, отблагодарив за первую оказанную мною. Мы сильно сдружились.

Разворачивая временную нить, я истончалась изнутри – снаружи же округлялась животом. Ощущая возникшую из ниоткуда беззащитность, я припала к Возникшей, забыв положенную гордость. Наведывая ей свои переживания, я обременяла её тяготой – проводя их через себя, она сопутствовала мне, опережая своё. Уносясь вместе, мы соустанавливали её первые эречтучными триэссанами – среди них я стремилась напутствовать чистоту, положенную ранней рифме. Разрешив переписывать каждое из раскрытого, я с взволнованной радостью слышала его из её уст – беспокойная, я ослабла, и её перебивчивая поддержка была дорога. Забываясь, я уходила в море, и там, среди каменистых прибрежных, искала записанную бутылку, таившую её имя. Находя же, выпивала её, дабы проникнуть изнутри, и запечатывала сургучом. Ощущая себя бестелесной, я помногу сидела на берегу, слушая море и каянов. Поднявшийся ветер трепал мои волосы, не видя их, я лишь слышала его завывание и завывала в ответ. Вслушиваясь в себя, я мятежно смотрела, борясь с окружающим. Одна, я вставала и шла навстречу, и извечное море принимало меня в себя, согласно древней иссыле. Истончаясь в нём, я погружалась в дремоту, и в ответ оно забирало меня. Отняв последнее, оно разрешало меня, и, освобождённую, выбрасывало на берег вместе с китом. Обессиленная, я пыталась вернуть его морю, изо всех сил моля его. Море услышало меня, и, исполнившая, я проснулась в слезах. Эта илла означивала меня – смысл происходившего изъяснил меня, и, обрадованная и обессиленная, я плакала, молясь ему жаркой молитвой. С трудами, борясь со слабостью, я омыла себя, после чего вновь стала сильной. Отворив окно, я вдохнула поздний февраль, заматавшийся метелью, – с этих пор мне вернулось моё; ныне во снах, раздаваясь, я писала лишь шепчущие этере на берегах моря. Поившее меня водою и принимая меня в ответ, оно проносило моё бывшее в далёком просторе – нынешнее же рисовалось лодкой с голубым небесным парусом. Лёжа на дне, я прорисовала текущее пеною плевр. Эланы обвевали меня, держась за борта у кормы; истончённые, выточенные солёным простором, открытые туманами, они поодиночке были со мной, проживая себя. Я же обещала им многое, темеей и велью, – сэретой осенили меня они. Отвернувшись, забыв мужское, во сне я воплощалась дочерью и заботилась о себе – жажда же, пылавшая в мои ночи, не отпустила меня, и я искала предсказанного. Его не возникало – и лишь после я возвращалась на берег, изменившаяся и прежняя, и пленящее напевало во мне. Иногда я летала, а в иные дни терпела. Чувствовала же себя сильной.

Просыпаясь, я вновь лежала у кормы. Мне всё хотелось рисовать – белое увлекало меня. Белые рисунки заполнили мои дни – новое изображала синим, изменившееся же – голубым. Не имея других красок, я обходилась этими. Предчувствуя, я стала осторожной – сперва лишь метила карандашом пунктирность, а после обводила. Не стесняясь, я повторяла это и в фантазии – белые рисунки заполнили её. Снег я рисовала голубым – он начинал таять, возвращаясь талой водой. Капало. Оттепели снились мне – к каждой я добавляла облаков. Теней я избегала, оставляя одни намёки, – время же изображала замедленным. Изображала и падающие капли – для этого взяла в руки лейку. Улыбки возвращались мне – прошли и первые дожди. Я заранее

знала о них – заблаговременно уловила слухом. Слушая, я сутулилась – приняла это как нежелательное и принялась улучшать осанку. Заботы эти выглядели важными. Так понимала.

Близился май. Весенние, меня всё чаще стали навещать лингвиники, мечтая приобщиться. Я не закрывалась от них, отворив свои окна. Каждая писала меня своей – я потворствовала, вбирая свечение цветущего. Убранная цветами, я просила их приносить вербы – они же приходили с вишней и медоносами. Яблони, росшие на улице, радовали мой глаз ежедневно – просыпаясь петухами, я читала любимую абрахту и не знала, чему смеюсь. Вторя положенному, я пила клюю – её вкус пробуждал скору, и я покидала свой дом. Укрывшись среди лугов, я бродила, сочиняя хвалебное. Собирая букеты цветов, я, возвращаясь, вносила их в первый дом – пустовавшие, они выглядели позабытыми, и изредка я оставляла букеты своих стихов на память. Пахучее заворожило меня – многое я могла выразить лишь внутри, пренебрегая внешним. Углубившаяся, я отбросила одежды – не желая связывать себя, я брела чистая, лишённая борьбы и смиты. Соловьи ублажали меня, провозглашая Пору. Встречались мне и следы кротов – я по-девичьи спохватывалась им. Кургузы не покидали меня. Чинная, я почала почин – утренняя, я была певчей и училась опевать букеты. Обливаясь, я искала в себе ежевику – зная, что ещё рано, я не могла позабыться, и искала всё равно. Её исходило от меня – я знала это, и не могла не смущаться. Обогнавшаяся, я спутывала временное, кушая созревшие вишни. Руки мои стали пристанищем птиц – ноги я омывала волосами. Красивая, я превращалась в арку, сливаясь с землёй. Узнавшая, я не была покойна – каждая из моих плеврен звала за собой танцем. Узнавшая, я смеялась – животворящие дивились мне и целовали. Я благословляла их.

Закутавшись покрывалом, я входила в один из садов, и принимала положенный дневной сон. Снова вкусив ручья, прописав по воде арой, я услышивала гомон – в саду играли дети. Вновь принимаясь учить их, я рассказывала Существующее и Небывшее – наравне, мы воображали. Девичье, более свободное, воплощало сложное – мы рисовали цветущие груши и золотистые береговые туманы. Юные же возрождали дев – понимая их слабость, я потворствовала, возрождая дев, оплетающих поющее цветущее. После мы рисовали. Каждая расписывала полотно белой лемены ближней.

Почти отказываясь от трапезы, я не могла отказывать детям. Они наперебой кормили меня из своих корзин. Вкушая запахи их дома, я воображала их матерей – следы их рук оставались на глазах. Томией я повествовала Мифическое – Древность приоткрывалась детям. После мы играли. Дети спрашивали меня – я сполна рассказывала им чувствуемое, разрешая касаться. Они, смущаясь, прикасались. Я тихо лежала. После мы расходились, одинокие. Приходило вечернее.

Я возвращалась домой, к книгам. Посвящая им свой вечер, я искала – в страницах мне оставалось непонятое, оно переходило и в мои сны. Многочисленное выглядело иным – воплощаясь героинями, я глядела собою, изменяя описанное. Чижи виделись мне – виделись и стрижи. Голос младенца не возвращался. Более я не писала, не в силах полноценного. Глаза мои были открыты, перед ними плескалось и море. Вместе с тем я гуляла и среди полей – кружившееся возрождалось одновременно. Моя мать возвращалась ко мне – похожая, она бродила среди садов, с венком лавра. Волосы её были эличны, копнами густились они. Пернатые, мы уносились в свои беседы – она вновь писала меня одними руками. Наша близость скрепила меня – я слышала прилив. Вспомнилось детское – я убегала из дома до рассвета, и возвращалась сонная, она будила меня песнею. Водю она встречала меня, водю и умывала. Непослушная, я открывалась ей неизрекаемо. Релическая, исполненная былин, она укрывала от меня взрослое, усыпляя колыбелью. Непослушная, я всецело доверялась ей. После она беззвучно уходила, в свои страны. Щемящее вспомнилось во мне. Я вновь слабела. Сон смущал меня – вместе с ним возвращалось взволнованное. Непослушная, я посвящала ей первое и третье. Второе же оставляла себе. Осьмическое восемью октавами проносилось передо мной.

Кожей я слышала его. Слова срывались с губ моих, я бредила. Возникшая сказала мне – мне же казалось, что я рисую Луну. Переменчивое успокоило меня – я вновь учила её и училась сама, вслушиваясь. Её слово влекло меня – наполненное неизвестным и неузнанным, оно оказалось яснее; узнечики вновь были поняты мной, уже настоящими. Я обратилась ею, и говорила наравне. Мы поиграли в колёсики. Я победила. После я проводила её и отошла ко сну. Отминувшее не навещало меня.

Близился час. В тот день я была одна. Не желая ничьей помощи, я положились на свои силы, сочтя это положенным. Стихи опоясали меня – внутри же копилась смута. Я возлежала в воде, сочтя её помощницей. Свет из верхнего окна открывал мне небо – штиль застыл, оставив лишь голубизну. Я положила это знаком Водолея и описывала его – могучий, многоустый, владетельный, Победитель своих Гидр, покрытый морем, с болью холодный. Я порешила быть им, добавив морской соли, его копища. Волны одна за другой накрывали меня – зная наперёд и готовая, я не хлебала их. Каждая сразу забывалась – отложить для будущего не удавалось, они захлёстывали, силы Водолея не хватало. Я терпела. В самый разгар мук я увидела Солнце – это поддержало меня. Я показала себя сильной и держала в себе текшее – голосом я могла позвать других, и противилась этому – я положила быть одной и не делить оное с другими. Много я чувствовала разрывающего, ярого. Внимая воде из всех сил, я стремилась быть послушной ей. Жуть наполнила меня, но отступила, я всё осознавала, пусть и теряла силу. Я уже покори-лась борьбе, и проигрывала, безумно хотелось, чтобы всё прошло, я не могла молиться. Потуги казались дикими, я просила прощения за свою Минувшую, умоляя отпустить меня, без слов. Отпущение ещё не приходило. Потом было многое, я отдалась ему. Пуповину я перерезала сама. Наступила гармония. Ребёнок оказался мальчиком. Знак Водолея проявил себя. Благословенная, я уснула.

Акана, Вэла и Малита,
Реторта пенящего Вала,
Черешневая Вокалита –
Сэрена, Брана, Тала...
Сияя, травала каэла,
Перната, чающая края,
Эленам возгласив поэзий,
Эланам перечтя аэзий,
Заворожив, капелью тая,
Маяков лепненная стела
И парус дунувшего Вала.
Вписав губительною чиной,
Тревожным росчерком миэты,
Сказав величественной иной,
Несложным, древним как пииты,
И этикой войдя всецело,
В песок стопами погружаясь,
Извинув имени триеры,
Стираясь, чаясь, чаясь –
Раскинув, взором возгордившись,
Войдя в разинутые полны,
Влюбившись, веками влюбившись
В их копны, копны, сонмы...
Разбившись, рассечась туманом,
Изминув высекшее верным,

Опутав вечные Эрраны,
Пересыпая меры, меры, меры –
Заплывом этимным таями,
Эленам передав вевное,
Под парусом, гордясь виями,
Вевременным, разинув временное,
Войдя в кующие заковы,
И выйдя в ловы, сети, кровы,
Всемирным и воскресным Талем – вевсенным ваям, ваям;
Распутав весное каями, разворотив своё дневное –
Перешагнув через стемное, через ошедшее несясь,
Рядами вёсельными светив, роясь, роясь собой, ликуя –
Я черемера им льняное – и этив, этив...
Суйя...

Поражённая необыкновенной красотой познанного, я решила испытать его вновь. Мысли об этом занимали меня, наравне с моим мальчиком. Он рос силачом – после трапезы он неизменно просил добавки. Ненасытимый, он выпивал всё моё молоко. Ежели в доме были ещё женщины, он тянулся к ним, желая вкусить и от них. Многие с радостью делились с ним – он просил добавки. Мы внимали ему – неумелый, он ничего не скрывал от нас. По ночам он громко кричал. Думаю, мои сны проникали в него. Пах он чудесно. Когда ему исполнилось три, я забеременела снова, не в силах более терпеть. Он помогал мне. Я непрерывно учила его – знак Водолея всё сильнее проявлял себя. Как вода текло в него новое. Он губками впитывал её. С тем же, он был искателен. Изучая прозрачность перевёрнутой воды, он дивился и кругами обходил её. Он показывал и мне – я соглашалась, что это чудо. Гуляя, он обращался мыслями вовне – я примирилась с этим. Лингвиники чуть стеснялись его – я проясняла его юностью, сама же обманывая себя. Я расспрашивала его сны – он правдиво признавался в них. Я опасалась, что могло быть иначе. Другим он не приоткрывался, сам же просил этого. Просил и меня – я непритворно приотворилась перед ним. Ещё не муж, он властно проступил меня. Испытанное влекло – его взгляд колосился во снах. Мои плерены привлекли его – рифмами он был отчётлив и строг. Непонимание тревожило меня – внешне же я баловала его. Родившуюся девочку он обожал, сам убаюкивая её. Я же ожидала двойню. Он оказался правее – правое преобладало в нём. Эта асимметричность была резка – лингвиники дивились ей. Вспоминая его отца, я не находила оной – то был всеильный муж, терианец. Я понимала через Водолея – в воде отражался он. Рано узнал он и мои этере – до глубины нырнул в них. Оттенки виделись ему – избавленный от поверхности, он отличался объятием – погружаясь, он не сливался. Всюдуподобный водам, он выражал взрослое – внутри же оставался ребёнком. Я принимала его – наивность дивила меня. Я радовалась. С детьми он не играл, избирая взрослых. Из игр же выходил победами. Я гордилась им.

Зная мужчин наедине, я поняла, как мало знаю их. Меня тянуло к нему – его взгляд был нов. Существующее довлело над ним – мне же казалось вторичным. Из Небывшего его увлекли числа – мало зная их, я принялась, желая быть во всём равной ему. Числа оказались сложны – лишь сильным понятны они. Я примирилась. Отвлечённая новыми родами, я много была одна – отвыкшая, я возвращалась к книгам. Иначе ныне выглядели они. Я принялась рисовать свежее – утром получалось лучше. Сравнивая его с другими, я видела его первым. Обманчивости же женщин опасалась – его простодушие видела каждая. Ревнивая, я с тяжестью отпускала его к ним. Они плели из него верёвки. Ночами я много думала об этом. Постепенно я утихомирилась, приняв как должное. Сама же стремилась опережать их. Закрывшийся, он выражался словами. Слова довлели над ним. Я потакала. Доныне я замечаю это.

Вникая в продуманное, охватывая его и частями, и целиком, я вновь отправляюсь туда. И вспоминается мне тот, целительный день ранней осени, случившийся многие годы позади. Снова не понимаю – как не ждала его, как укрыла, позабыв важнейшее, – Возникшая вернула меня к себе. Вновь вспомнила я об открытом рано сдвоении – оно не могло не сыграть во мне. Облюбованное мужчинами, оно несло много больше, водворяясь и возвышая себя. Переданное мне от матери, оно воцарилось во мне вседневно – слыша его, слыша ежей виною, я вышагиваю по тропе, мне должной. Книги же, часть её, отмечают собой перекрёстки. Видя же проступающее возвращение, в сдвоении моих дочерей, я отселе не дивлюсь и ему – в характерах их отпечатано оно. Лишь старшая ещё не слышит его, младшие же пошли по моим стопам – и мужчинам столь же и любы. Сдвоение наше выразительно – полнокровно выражает оно нас. Ингвиники, мы непокорны кажущемуся и явственно-вселенны. Сели же наши нам и понятны – одною рукой приоткрываем мы их другим, второю же – прикрываем. Их руки служат нам продолжением, перечиная нас. В волосах же прячутся бабочки – ровесницы наши. Морские, они непрерывно варьируют. Вариациями мы арфы, лютни же наши носовые. Поясом мы... Красавицы писанные. Шестеро девочек, несчётны мы продолжениями. Число их тридцатикратно. Так мой сын любит говорить. Пересказуя, сказанное, я примечаю...

Карна

Черы были правы. Дорожка, бежавшая по лугу, заросла, и возратить её извилистую сумбурность стало непосильным. Мы решили проследовать за облаком, неспешно парившим над нами – кто поймёт? Мне оно напомнило бесплотный трон. Шагая, мы отклоняли высокие рохи и мяли пуговку – наши ноги избегали влажности почвы, шурая на весь луг. Держась за пояс следующего, мы изображали Арокараву – получалось с переменным успехом. Словно балабол слышался голос позади, прошелестела стрекоза. Я заметила муравья на поясице Ахарины – муравей заметил меня в ответ и поспешил к моим пальчикам. Мгновение я сомневалась – спустя миг он засеменил в направлении моего плеча. На поясице Ахарины скитался уже следующий весомый гость. Я представила, как потешаются позади – судя по голосам, моя спина представляла прелестную мозу. Покрытая крошечными пятнышками и крапинками, она составила приют для ос – судя по смеху, их было не меньше трёх. Я покачала плечами – жужжание усилилось. Расслабившись, я прикоснулась к салкинам и положила руку себе на плечо. Другое моё плечо уже ощущало прикосновение ладони. Шагая, я без конца гадала, кто бы это мог быть? Прикосновение выглядело девичьим, но меня неуловимо смущало. Оборачиваться же не разрешалось и касаться рукой тоже – я решила, что это она.

Вечно за мной девушки оказываются! Может, она-таки женщина? Я мечтаю о взрослой – я бы слушала её и ни разу не перебила. Я могу долго слушать. Я бы и спрашивала редко, так много нужно узнать! Можно же? Смеяться им можно – они правила нарушают, Арокаравы не смеются. Трубный звук начинается – ох, эти трубные звуки! Ууу...уууу...уфуууу... Ещё раз. Ууууу...уууфууу...ууууу. Несинхронно вышло. Передние поворачивать начали. А говорили, за облаком идём. Их не поймёшь. Много нас набралось – здорово! Ту девочку я знаю, её Лимвеваной зовут. Шагает как палапад. Так мальчишки шагать любят. За нею женщина, повезло ей. Лючики цветут. Их осы любят, говорят, кто лючиками себя окружит – улей разворочит. Попробовать, может? Искусают, придётся хандрянку пить. Я бы вместе не побоялась, а одна не хочу. Не поверят, какая я смелая, решат, что случайно ос разозлила. А они пение моё любят, многие разы замечала. Они суеты не любят – но это же каждая. А мы суетимся много, сегодня одну восьмую собирались. Другие бы уже давно сладились. Помню, в семь лет я настоящую Арокараву увидела – мы ничего похожего не имеем. Та синхронная, и в воду идёт, а не по лугу. Она на воздушного змея похожа – а мы больше сухопутного напоминаем. Сколько тайн вокруг них... Никто ничего нам не говорит. Ну и не надо. О-оо-оо мимимим. Ахарина сегодня нарахват. Лючик в волосах – когда она успела? Как они распускаются утром... Моя самая большая радость – перед закатом не отпускают, а на рассвете всё можно. У них необычная композиция, и каждая своё время знает, лепестки волнистые расширяются, а за ними и тычинки выглядят, сперва скученные, а позже во все стороны. Тычинками он всё слышит, поверье бытует. Бабушка об это рассказывала, она всё знает. Кто тычинке привлечётся – тот и для лючика первый. А как поймёшь, нравишься ты или нет, – я не поняла. Говорит, наклон особый, извилистый. Любит она эти сумбурные – не понимаю как непоняшка. Всё они обо всём знают, а объяснить никто не хочет. Тайнами поросли... Про айнов, тоже. Всюду айны ходят, подглядывают. Каждую айну и айна нужно сочетать – кто их сочетает, тому Арана поверье повеет. Заковыки во всём, лично я ничего не понимаю. По мне уже четыре осы ходят, новых зовут. Ногтистые... Говорят, удачливая оса на семь парных ноготков приходится. Я пока шла, лишь четверых насчитала сверху семи. А ос уже четверо. Как это между собою свести? Ноготки прятаются не умеют, себя выдают. А мы на весь луг шумураем. Арана шумных не любит, я думаю. Длинные у Ахарины ноги... А наше облако уже больше на воробушка похоже. Пяну первая начну, пусть за мной повторяют. Пяна, пяна...

...Мне кажется, облако ускорилося. Сильный там ветер – такую громаду мчать. Многие на этих облаках путешествовать любят, а я их высоты боюсь. Я лучше сама, по лугам-дорожкам. Думаю, они искать не захотели – дорожки так быстро зарастить подорожником не могут. Следы бы остались, она хоженная была. Проторили её не мы – я их не знаю. Может, и кто один любил бродить. Одноходы – он, может, айн искал, или же от них прятался. А что от них скрывать? Поверья одни. Остальное они подглядели, бишь. А некоторые уже не верят – мама не верит. В Ухурагу все верят, это точно. Ухурагу дважды в год приходит, его каждая знает. А в Ашутру не все – некоторые сомневаются, отшучиваются. Я верю. Ашутра ночами не спит, я его через филина представляю. Филин, обращающийся и совой. Он заговаривать любит, и разговоры сильные. Тариты ему служат, приводят нужную тропу. Я их не знаю, как представлять, думаю, они на меня похожи, но глазами совы. Другие говорят – жаворонки. Не понимаю. Жаворонки ночами спят. Это ирония, мне кажется, они шутят. С Ашутрой лучше не шутить – он наговор наложит, и все доверять перестанут, и будут считать тебя айной. Это я сама придумала – мне кажется правдивым. Пяну мы хорошо исполнили, я довольна. Скоро уже с закрытыми глазами пойдём. Каждая передней глаза закрывает, а последняя с открытыми остаётся. Ни разу не получалось последней быть. Сегодня в серединке-посерединке. Может, и нет – обернуться-то нельзя. Первой трудно быть – все за тобой прячутся. Однажды четвёртой была. Понравилось, но не всё – ответственность большая. Волновалась, хорошо ли иду, – серединка лучше. Расслабиться можно. Они не надо мной потешаются, я поняла. Если-таки надо мной – я не обижаюсь. Забавная она, как баламут. Чирира. Спина рябая... Сильно уже загорела. Капелька-капелька. Арану в капельке увидеть можно, если приглядеться. Она из капельки в капельку перетекает, по цепочке. А как проверишь? Дождь – её излюбленное время, она дождём наведывается. Кажется, капельки в воздухе растаять могут – идёшь под дождём и не мокнешь, у меня много раз было. Вокруг человека они испаряются. Это аумой называется. А крупные капли падают, но летят быстро – за ними не уследишь. Если же каплю поймал – её она покидает – и ищи потом... Каплю и не поймаешь, это один обман, они увёртливые. В реках она тоже живёт, но с этим сложно. Реку же с собой не заберёшь. Река длинная – в каком месте искать? Если по течению двигаться, то к морю придёшь, так говорят, не знаю. Реки по кругу не текут почему-то. А я представляю как озеро, а вокруг озера река, и я по ней плыву. Снова одно замечательное место проплываю, заводь одну. Я при встрече с Араной не знаю, как повела бы. Может, и отвернулась и убежала, никуда не глядя. Или же к ней пошла, себя забыв. Сложно, наперёд не угадаешь. А вдруг она и среди лугов бывает, и пока мы будем шагать с закрытыми глазами... Нет, не верю. И думать об этом нечего. Она поодиночке является, и больше взрослым. Среди нас и они есть, но они играют и несерьёзные. Слышала однажды, подслушала, что Арокаравы её ищут и трубным звуком зовут, и в воду затем шагают. Звучит таинственно. Зачем им она? Я иначе её представляю, она с Ухурагой близка. Её не предугадаешь, но она придёт обязательно. Но она реже приходит, для неё созреть надо. Я поэтому с ос и начать хочу. Она смелость поощряет. Кто же за мной идёт? Как бы это узнать, не оборачиваясь... Пяну она со всеми исполнила, голос детский. Молодая или очень-очень молодая? Уже не там ладонь, перемещается. Что она обо мне думает? Любят взрослые это... Поскорее бы самой повзрослее быть, можно будет и на закате ноготки увидеть. А с лючиками сколько свободы будет... Повсюду – и кривелы носить можно, и гулять всё время, и по лесу бродить. И уже самостоятельная, по собственным тропинкам, сама. Сколько самого-самого лучшего, что ещё не пришло, сразу возникнет. Но это ещё потом... Долго ещё ходить будем? Уже пора. С нетерпением жду. Как аяна...

...Всё, идём. Главное, не споткнуться. Мы с Ахариной легко в шаг шагаем, давно научились. Ей шаг меньше нужен – ноги-то длинные. Станет стройная как Эфиопия. Мы друг дружке доверяем, ещё ни разу не оступались. Хорошая у задней ладонь, ничего сквозь неё не видно. Я глаза на всякий случай закрыла, я честная. Тихо стало, больше никто не смеётся. Если что про-

изойдёт, последний сообщит. Всё хорошо будет, я знаю. С нами и взрослых много. Не наступить бы на кого... Пуговка не обидится, а муравьёв жалко. Глядите сами, видите же, что я не вижу. Беспомощные мы... Закрыли глаза – и потерялись. Солнце пока слева. Греет слева. Мы не поворачивали ещё. Повороты всегда неожиданно начинаются, решит один пошалить, и по цепочке... Какое сейчас то облако? Может, уже на кота похоже, с двумя хвостами. Я одного встречала – он ими попеременно махал. Второй длиннее был. Я иногда думаю, что не все глаза закрывают. Многие в щёлочку между пальцев подглядывают. Я не такая. Ух! Остановились. Упал кто-то. Ждём.

– Ахарина, ты как?

– Где-то далеко упал.

– Я поняла. Ждём...

Снова пошли. Помню, однажды долго-долго шли, и никуда не ушли, кругами ходили. А в другие разы далеко оказались, почти до границы леса дошли. От передних всё зависит, какая у них смекалка. Я когда четвёртой шла, немножко влияла. Ахарины не было, были другие. Самой главной вторая была. Задорница, змеёю вела. Незабываемо, никогда не забуду... Она мне цветы в волосы вплетает одной рукой! Спасибо. Что за цветы, не знаю. Я бы не смогла. Молодец какая...

– Спасибо.

– Нравится?

– Да.

– Я рада. Я ещё вплету, можно?

– Можно.

Когда глаза откроем, я в цветах окажусь. Удивятся, я думаю. Зачем смеялись? Я знаю, что не надо мной, но это над кем-то. Не надо смеяться, все одинаковые... Спина у Ахарины забавная. Но я же не смеюсь. Где она так загорела? Ох, сколько цветов уже вплела. Мы среди цветов идём. До колен мне, даже повыше. Она не очень высокая, а руки длинные. Не моего склада, у меня наоборот немного. Я высокой вырасту, выше мамы. А Ахарина ещё выше, она очень стройная. Будет. А осы по спине больше не ходят, как теснее встали, их уже нет. Осы рисунки любят, поэтому к цветам летят. Чем красивее цветок, тем сильнее он им нравится. Они о нём всё знают – и цвет, и запах, и всё-всё, летают над полем и ищут, какой вкуснее, выбирают. Кто быстрее... Умные осы с моей спины смотрят, чтобы даром на полёт силы не тратить. Я как ходячая башня над полем. Я думаю... Кто-то прожужжал, может, и слепень. Я не боюсь. Ещё раз, обратно полетел. Чего это он? На лугу своя жизнь, их не поймёшь. Всюду своя. У меня тоже. Она ладонь у меня с глаз убрала. Зачем это? Я не смотрю. Что-то задумала. Может, у неё глаза открыты? Цепочка распасться может, не надо. Сказать? Касается. Прикасается, попутно что-то делая. Так можно. Не знаю, чего ждать, загадка. А может быть, что она айна? Лица же не видят, а если и увидят – как поймут? Если кто встречал разве... Цветы выше стали, незначительно, но выше, влажного больше встречается. Удаляемся. Пока шли, луг до горизонта был, он очень протяжённый. Я его знаю, но далеко не весь. В разных местах и цветы разные, и травы, и злаки. Часто и сорняки встречаются, и марьянки. Ежели передние хорошо луг знают, они поймут, куда идём. Я в серединке, куда придём, туда и надо. Ооо... Это плетение из янок, она сплела на глаза мне! Замечательно как! Теперь точно ничего не видно. А ладонь на плечо положила. Хорошая у неё ладонь, мне нравится. А я Ахарине никогда подарков не делала. Нужно учиться, удивлю её в следующий раз. Я вторую руку освобождаю, чтобы балансировать в случае чего. Вдруг по мосту пойдём? Заранее не знаешь, чем пригодится. А она ей что-то делает. Себе сбор собирает, я думаю. Или букет. Решила, пока по полю гуляем, запастись. А мне бы и мыслей не пришло. Что значит взрослая... Сто вещей сделает, пока я кукушкой кукую. Учись, Карна, как время не упускать. Буду, обещаю. Буду вслепую ходить и учиться – с открытыми каждая может. Кто луг знает, всё-всё на нём найти может, тысячу чудес.

Осы знают. Если бы она по секрету сказала, а я бы поняла. Можно же и ночью всё собирать, совсем одна. Я ночью не боюсь, ночью лучше, только оденешься тепло и гуляешь. Вырасту, и стану и ночами гулять. И Ашутру повстречаю, и никому не скажу. И Ашутра никому не расскажет, я уверена, он тайны хранить умеет. С ним и подружиться можно... Я ещё не знаю, во что он играть любит, он мне сообщит и мы поиграем. Взрослые играть разучаются иногда. Я не разучусь.

...Поворачивать стали. Видимо, решили назад с закрытыми глазами пойти. Не уверена. Так уж и быть, идём так идём. Долго шли, одну четвёртую это точно. Водички бы попить. Ручьёв не слышно – где вы, ручейки? Поле с речкой граничит, она изменчивая, глубокая. Могли бы все вместе и покупаться, и позагорать. Хочу к речке. Сейчас закончим, и напрямик пойдём с Ахариной. Попутчицу мою попросим, она с нами погуляет. Истории порасскажет. Чем взрослые от детей отличаются? Будем выяснять. То, что они по облакам гуляют, это ещё не всё. Больше, мне кажется, другого. Не понимаю ещё. Это, я думаю, внутри. Я спрошу. А почему они с нами играют – я думаю, им интересно. Не может быть скучной игра, играть хорошо. Здорово. Задние запели. Впервые эту песню слышу. *Мы скачем, скачем на коне, мы скачем-скачем по Луне, и видим-видим пароход, через пески он к нам плывёт. На пароходе том звезда, на пароходе том она – на Ааандромеду похожая, далёкая и пригожая...* Что в голову взбредёт, то и поют. Как мне подпевать? Когда припев вернётся, попробую. Я петь люблю. Бабушка лучше всех поёт, она все-все песни знает. И не повторяется никогда, каждое утро с новой песни начинается. А рисует как... Ни у кого такой бабушки нет. Я ей горжусь. Она когда печенье печёт, меня помогать приглашает. Мы особое заговоренье исполняем, чтобы вкуснее получалось. У неё всё чудесно получается, к чему бы ни прикоснулась. Как она говорит, катушки-барашки. Бабушка мои мысли читать умеет, она мне много раз читала. Это умение только ей одной под силу, мама так не может. Оно и понятно – мама ещё совсем девочкой была, когда бабушка трижды за год Ухурагу встретила. Это не со всякой приключиться может, а лишь с самой понятливой. Говорит, они о поэтах разговорились – Ухурагу поэзию любит. И ему понравилась бабушкина, и он наградил её умением мысли читать. Я ей верю – она и будущее предсказывать умеет. Иногда и ошибается, но много раз верно было. Я уж и не удивляюсь. Она по птицам ориентируется – объясняла раз, а я не поняла. Говорит, ещё рановато. Что-то в полёте птиц уловить нужно – и будущее приоткроется. Лучше, если сам Ухурагу объяснит, на примерах. Я с тех пор внимательнее стала – говорит, кругом смотришь, по всему что позади и впереди, и сверху, и снизу – всё видишь. Я ещё не научилась, но я учиться буду. Трудно одновременно всё видеть – все обычно лишь вперёд смотрят, а ещё и назад не умеют. Я в фантазии уже научилась, нынче наяву учусь. Бабушке оборачиваться не надо, она и так всё знает. Самая лучшая она, самая. Я рада, что она моя бабушка.

Остановились. Пора глаза открывать. Ох! Мир чудесный, снова видим мы друг друга! Вот она какая, моя благодетельница.

- Хорошая Арокарава была.
- Да, мне очень понравилась.
- Поцелуемся? – поцеловались. – Пойдёшь с нами к речке? Ахарина, ты пойдёшь?
- Я гулять.
- Может, вдвоём?
- Меня Карна зовут.
- А меня Ситиль.
- За руку пойдём?
- За руку. Можно за две.
- За две. Две и четыре.
- Давай, на одной ноге!
- Давай.

– Давай ту песню петь.

– Угу.

Мы едем-едем по Луне, мы едем-едем на коне, и видим-видим пароход, сквозь грунты лунные плывёт... На Ааандромеду похожая, как Ааафросинья пригожая...

...Запыхались. Тяжело. Изо всех сил бежала. Уф. Быстрая как лань.

– Проворная ты. Уф.

– Пошли. Плаваешь?

– Немного. Сейчас. Давно наперегонки не бегала. Неделю. Сейчас. Ух. Пошли. Нырять будем?

– Будем. Ты первая. На счёт три. Раз. Два... Три!

Талия

И всегда так. Вся в подпалинах остаюсь. Как прыщи от ветрянки. Краснею гуще плюща. Со стороны подбиралась, думала, не заметит – как же. Обнаружили меня. Ничего мы не знаем, а я-то... Планомерности. По положению Ио... Это ж надо – два часа потратила! Сеть раскинула, невод забросила. Взяла на поруки. Парилку организовала. И вот – исход, ни понимания, ни объяснения. Помешательства на туманностях. Ветер дул, и всё. Ручаюсь, что и завтра всё повторится.

Подводила, говорила. Ближе уж и подойти не могла. Ну о чём он думает? Не о числах же Мерсенна. Где я тебя такого откопала? А какие надежды подавал. И начал уверенно, сразу куда полез, шельма. И нет бы подсуетиться, в джунгли направиться – сразу к кодексу Дренегаара перешёл. Ну откуда он на мою голову свалился? Размазня. А Плития уже четыре раза поцеловалась. А то и больше. Неровен час, в книжную пошлёпаешь, в книги углубишься. Мы что, на соревнованиях? Пойду успокаиваться. Воды напьюсь.

У-ууу. Потянулись. Носом, носом. А нос горбатый. Мой нос курнос. Правая ноздря. Я в основном правой дышу, левая заложена. Можем на ней поиграть. Хочешь? Я пошутила. Я тебя не пушу. Моя. Да и пальцы у тебя не те, не хватит их. Деревянные. Пальцы как змеи быть должны.

...Прочитай *Силиару*. Если и есть место, в котором всё описано, так это она. Усомнишься в Дренегааре своём. Пылинки с него сдуваешь. Триста лет уже как устарел. А она семнадцать столетий действенна. С чего описание женщины начинается? С улицы. В одном её шаге, в одном взгляде вся сущность выражена. Это начало. Скольких мужчин она повстречает, и каждый о ней подумает, от всего отвлечётся и к ней обратится. И ни один не подойдёт. Её свобода нестеснённа. Если она его выберет – он узнает. И она шагает, вышагивает. *Силиара* с женских слов написана, впечатляюще. А то и сама она писала, это неизвестно. А переводы, сравни. В нашей книжной три перевода, и каждый самостоятелен, с другими несхож. А я за четвёртый возьмусь. Ещё давно решила, готовилась. Вот это место – моё любимое.

Роковые своды кишели змеями тишины. Пальцы скользили, ровно по краю обрыва, чешуя набросками выдавала изнеженное “Скоро...”. Чистокровная, прошедшая солончаками и наносами, била и билась колодезная. Пламя вспыхнуло вдали, небо смолчало. Проступили первые знаки, голос готовый раздаться. Рот уже был открыт, когда...

Это второй перевод, я ориентируюсь на него, первично. Совершенная фраза, она избежала ясности других, отразив текстовое. Я не удивлена, что этот, единственный перевод – парный. Две сестры создали, шесть веков назад. Ради него я и язык учила, по нему же. Языкам учат лучшие из переводов, как написано в третьей из глав. Согласна. Каждая глава добавляет ей одну из рук, воплощая себя физически. Древние придавали внешнему большее значение, нежели мы. Я это хочу подчеркнуть, особыми методами слова. Внешнее у них сопереносилось с внутренним. *Силиара* олицетворяет это явление. Она стремится сочетать их в одно, единое. Этим, этикетки равноценны, отнесённые и к облику, и к обличью. Наравне, и знаки отражают значимое. Она окружена символами, чей смысл понятен вдумчивым. Символы означают ключи, окружающие её. Запертая, она отворима. Это выражено и её вторым именем, Араилис. Это рвение древних многими воспринимается наивностью, я же вижу иначе. Это двойственность осязаемого, осмысленного. Шагая, она отражает себя, и видит своё отражение в других. Это выражено мантрой “Ара-ара-иссалира”, “Путеводной будь”. Оставаясь одна, она вновь обращается к себе, порождая себя перед взором. Каждая, будучи отличной, стремится обособиться, каждая, будучи первичной и сестрой, стремится воплотиться. Одиночество излюблено ею, готова её к Значимому. Значимое подобно гравюре, проступающей на ней. Пластичность её подобна серебру, Серебряное покровительствует ей, окутывая плечи, щиколотки и шею.

Серебряное соблазняет, скрывая её салкины. Величественность её в неразрывности сплетённого. Молодость – в целомудрии Древности. Это выражено как стихами, открывающими главы, равно и каждым из положений её рук и глаз, прописанных точнее и каллиграфически. Символ окружён символом, вписанным в еж. Свою задачу я вижу в сохранении *Силиары* первоизданной зыбкостью. Она всё время на грани между Разрешённым. Разрешаясь, она неизменна. Это вершина. Она шагает, украшенная сотнями ивииний, похожих как капли и столь же отличных. Ивиинии распускаются на ней, мужчины всматриваются в них. Многим приснятся лишь они, и они станут бродить среди них, ища её. Она говорит себе об этом, украшаясь среди весеннего. Восхитительна её искусность, заполняющая себя всюду. Лишь руки остаются нетронутыми, окрылёнными свободой. Крылья вырастают у неё ночами. Шагая, она ищет один из цветов, избранный в свете дня. Совершенство проявляет себя. Найдя, она украсит себя им. Иссинее, с белым сочтено оно, в ночи же сопрятано лепестками. Она найдёт, узнав себя в нём. Это вершина. Путь домой зовомый, усталый. Она мнёт стопами дивные силции, нарушая Разрешённое. Ответное настигнет её, повторив содеянное. Мягкие цветы украсят её. Разовьётся в них она. Илиарасой станет новое. Смутится оно. Иники поймут её. Мы поймём, и я стремлюсь к этому. Жилы её заропшут, взбеснутся телеса. Это третья, крайняя из вершин. Случится Предрешённое, сквозь сны лучившееся в ней. Она повстречает того, кто возобладает. Разрешённое обернётся, целомудрие сочетается символом. В ров отчаяния падёт она, смятенная. Торжеством обратится её падение, торжеством силы исполинской. В борьбе станет она терять, обращаться станут избранные ею, изменятся наперсницы. Гетерою станет Силиара, мужское восплает к ней, разовьётся в нём она. Признания польются к ней, улицы потекут, иным станет и жертвенный алтарь. Друиды вознесут её, царицей ночи прозовут. Облик её обручится, скроются и руки, затуманится образное. И лишь сдержанное, сокрытое разрастётся. Письму научат её, письменное станет прибежищем её, и сочетанием. В нём возвратит она себя, и узнает, и засмеётся. Никому не покажет его, нарушив запреты, Разрешённое же назовёт иным. Дочери родятся от неё, возвращением вписаны они. Снова среди улиц шагают они, вновь свободны, с внутренним единые. Взгляды окружают их, взгляды хвalebные. Улыбаются они, украшенные серебром. Великое в поэме сказано.

Переводя, я углубляю её образ. Подобно сёстрам, я желаю сохранить печать Древнего, его мировоззрения и культы. Одновременно, я стремлюсь перевести Её на наш язык, вобрав самые зримые черты. Словом, я воплощаюсь ею и описываю своё, своими словами. Кажется, воплощение удаётся мне. Язык её проникает в мой. Сила её образа заключена в проникновении, просачивании сквозь преграды. Не видя её, а лишь слыша, я разрождаюсь её зрением. Перевод сестёр, недословный, но верный и ясный, восхитителен. Им было легче – они чередовали друг друга, перенимая и описывая увиденное. А я стремлюсь соединить в себе это. *Силиара* обращается к своему времени, и многого в ней не передать. И я решила добавить ещё переводы, коснувшись современных ей текстов. Из них возникает понятная картина мира. Рождается бесконечный монолог, принимающий её и отторгающий, вопрошающий и узнающий. Она – в центре этого монолога, она же и в каждой из его частей. Я рядом, близко. Она говорит о себе – я добавляю, я говорю о себе – она добавляет. Две женщины, разделённые временем, соединённые природой. Окружённая Разрешённым, она проступает взором, ширится. Мы вторим друг другу.

Я успокоилась, я рада. *Силиара* успокаивает, тихомирит меня. В волнительные моменты я к ней обращаюсь. Плития не понимает, она её обыкновенной древней поэмой считает. Плития поверхностна. Это и хорошо во многом, юноши раскрепощённое с ней. С другой стороны, она кучерява. Это достоинство, и сильное. Кучерявость помогает ей в ключевые минуты. Привлечением я ей не уступаю, но после первых минут... Тянет меня поговорить о серьёзном, а она это исключает. Любое слово обыгрывает. И что получается? Получается удачно, я вижу. В его словах это заметно. Она повторяется – это недостаток. Кучерявость сглаживает и его –

она преподносит поверхностность легкомысленно, подразумевая серьёзность, спрятанную под ней, снова обыгрывает – жёстами она сильна. Она и дотошна – я и в себе это замечая. Я тоже дотошная, как печёные яблоки. Возникают интервалы. Вчера я очень хотела поцеловаться, сегодня уже не так. Завтра он это поймёт и полезет. Я планирую отказаться. Сошлюсь на занятость или усталость. Займусь больше переводом. Буду осмысливать Её – он слишком отвлечён, чтобы помочь мне. Мой возраст – пограничный. Плития легко пережила его, совершенно изменившись. Я испытываю трудности. Разумное мерещится во мне, неразумное плещется. Я расту. Плития перестала. Не понимаю её, предугадать последующее не могу. Всё меняется на глазах. Ощущаю себя перископом.

Присовокупила бы следующее. Я нестабильна. Периодически я испытываю наплывы различной природы, то чересчур весёлая, а после тоскливая. Уследить за этим не могу, и бороться тоже. До книжной дойти сил нет, лежу пластом. Температуры нет. Лоб трогаю – ничего. Она утверждает, что я сумасбродна. Я не согласна. Часто я примечаю у Плитии склонность к внушению. Я противница. Это дурно. Она утверждает, что я этим постоянно занимаюсь. Она не права. Если я что-то ему и внушаю, то совершенно незаметно. Постоянно это делать нежелательно. Он внушаем, это точно. Я это связываю с доверчивостью. Я по рту определила – форма рта доверчива, особенно при вопросах. В ответах уверенная. Любимые ответы: “я знаю”, “я помню”. Злоупотребление первым лицом, признак частичного превосходства. Ограниченность нашей близости выражается редкостью местоимения “мы” – нашей близости не хватает нас. Поцелуи казались мне хорошим решением, нынче я сомневаюсь. Что делать будем? Скажешь? Рисовать ты не умеешь. Все умеют, а ты – нет. Руки. Мне нравятся другие. Возраст. Ты моложе. Если б не моя терпеливость, я бы распрощалась навсегда. Рост. Нет слов. Всего на две фаланги мизинца выше. Ниже Плитии. А я расту, ты это учти. Для роста советуют есть больше яблок. Уже четыре раза об этом говорила – кроме сомнений ничего не встретила. А я расту. Выходит гротеск. Добавляем отсутствие смелости, скорости принятия решений, лингвистических способностей. Результат – что ты есть, что тебя нет. Фуфф. Жду другого юношу. Нравится с Плитией – иди к ней. Додуматься, чтоб часами её расхваливать. А про меня при ней ни слова. Вердикт: склонен к провокациям. Доверять ей нельзя. Всё неоднозначно. Ситуация напоминает мне третий перевод, перевод Семирамиды. Семирамида заиклена на времени. Время предопределяет её. Метафора как цветок силции, ею веет отовсюду. Трижды за лето она распускается. Тройка – её число. Семирамида посвятила все свои силы отражению времени. Древность олицетворяет время раннее, время прогулок, поисков, волнений. Ему свойственны свои традиции, обряды – это наиболее важно для неё. В них она проявляется. Каждый жест и слово вписываются в них согласно особым, изысканным закономерностям. Человеческое воспринимается как фон для единого, образного. Оно воплощается повсюду, в каждом из чувств. Блеск серебра сопровождает рассвет, начало. Он слепит глаза, он же их и влечёт. Одним путём проходят глаза, повторяя друг друга. Одна из сторон обряда спрятана, другая – открыта. Каждая из них несёт свои знаки, они проступают глава за главой. Они и скрываются, исчезают. Возникает присущая поэме двойственность. Предрешённое проявляет себя ежечасно, Разрешённое – сторона его и мотив, Нарушенное – зерно и плевелы. Спутать их означает грех, первый из грехов. Среди висячих садов распускаются ивиинии, зыбок их цвет. Он изменчив, утром свой, днём свой, а вечером... Он неповторим, неописуем, метафора мгновения, текущего. Многие любят его, многим снится он – и каждый обманчивым, неосязаемым, утраченным. Тысячи описаний даны ему, и ни одно не повторимо, тысячи слов звучат, и ни одно не громогласно. Глазами провожают его, страдая от недосказанности, неразрешимости. Разрешить себя значит спастись, это избавление, исцеление. Это и грех, грех опрошённого, очищенного. Метафора его – яблоко; очищенное, оно ржавеет на глазах. Смыслы подобны яблокам, корзиною несутся они. Косточки – ключи, ими отпираются врата Семирамиды, с горстью горьких косточек бредёт она. Каждому раздаёт их она, от каждого и забирает. Улицы узнают её, узнают по её часу.

Она возникает как рассвет, освобождение, дрема. С нею забываются, непреодолимые труды дня отпускают, рождается обряд и символ. Волосы её – пристанище для него. Губы её – прибежище его. Руки её... Она олицетворяет праздник, праздник времени, торжество. Её ждут, о ней молятся и вспоминают. Сотни описаний даны ей, каждая глава добавляет трижды по три. К деревьям прижимается она, к земле припадает, водою обливается, мёд течёт по ней. Она принимает в себя, отпускает. Целомудрие её древнее, в нём отражается она. Возникает картина мира. Она – в центре этой картины, её проявления – в частях её. Каждая рядом, каждая есть мгновение, своё отождествление. Письмо выражает его, скрывая одновременно. Письмо не есть описание, оно означает обряд, выражение. Картина незавершённая, слово непроговорённо. Оно проявляется во времени, каждый миг выражает своё. Полдень олицетворяет второй рассвет, рассвет явного. Явным кажется возникающее, во всём блеске является оно. Позолотой блестит оно среди куполов, в водах отражается полноцельно, слышимо оно среди губ, движение отворяет его. Каждый говорит с каждым, каждый и отвечает, гомон звучит мотивом, поют и птицы, и небесные, и земные. Ежее украшено, красота охватывает сущее, всё устремлено к ней, всё посвящено ей, Мария – имя её. Играют арфы, доносится плеск, среди улиц бегут дети, стучатся, смеются. Люди оборачиваются, смотрят, любят, улыбаются друг другу. Вершится обряд освящения, чередуется радость с торжеством, собранный виноград олицетворяет его. Зрелое частицами горит на Солнце, каждому достаётся горсть частицы. Тишина забыта, в едином ритме бьются сердца, навстречу, навстречу. Небо горит, нестерпимо ясное, несущее. Пробивается и свет звёзд, они олицетворяют символы. Лебедь чередуется с Девой, Кассиопея соперничает с Ио. Путь указывают звёзды, путь времени. Их ещё нет, но они явны, они уже прошли, но грядут. Комета загорается, улицы радуются ей. Воды бушуют, дети окунаются в них. Воды погружают в себя, несут свежее, новое. Все открыты, раздаривают, раздают. Раздавшиеся, они слабеют, ищут силы у воды, у звёзд. К садам обращаются они, позабыв Змея. Змей одинок, но окружён собою, свои обличья сбрасывает он, обликом же извечен. Ревностью разгорается он, слабость впитывает чешуёй. Приближается его час, он неотступен, помутнён. Он несёт исцеление, греховное исцеление, он неотвратим. Грядёт третий рассвет, рассвет Лунный. Засияет Луна во всей красоте своей, месяцем бледным. Месяцы длились ожиданиями, месяцы звали за собой. Месячное, разрешается ныне. Разрешённое теряется в нём. Наедине случится оно, в темноте тайной. Боль сопровождает его, отчаяние последует за ней. Это очищение – верховное, оно раскрывает Предрешённое. Вслед за ночами истечёт оно, истончится, безумной станет красота его, жрецы поклонятся ей. Салкинами вскормит она их, Дридами прозовёт, сгустится тишиной. Снова День наступает, званый День. Бродит среди садов Семирамида, одна, облачённая. Мечтами своими украшает их, мечты порождают Новый День. Крылья вырастают у неё. Великое в поэме сказано.

Третий перевод – мистический. Его происхождение вызывает споры, я отношу его ко времени Алия. Мне он непонятен, как и его соотнесение с текстом. Близок ли он первичному замыслу? Думаю, понимание придёт со временем. Я пойму его по себе. Плития ценит его выше других, но Плития мнима. Мистическое притягивает её взгляд, я вижу. Мнимые числа увлекли её. Она отходит, увлекаясь ряженым. Рыжее же оставляет её. Как? Не знаю. Возможно, через поры. Многое просачивается через поры. Мы покрыты ими. Помазав себя, этого возможно избежать. Это явление упомянуто в Каме. Оно известно Древним, зовётся мановением. Загадками окружено оно, символ его – виноградная лоза. Мановение имеет сроки, призванные им. Древние прозывали его безрассудством и неотступно предавались ему. Это великий обряд, утерянный нами. В Каме ему посвящено лишь несколько слов. Они обращены к современникам и их смысл утрачен. “Лаза, лая-валая. Экна, опиура, павилла. Э сурр”. Это мантра. Плития полагает её началом мистического песнопения, я сомневаюсь. Думаю, это призыв. Длительные занятия переводами помогут мне. Я совершенно спокойна. Решение приму завтра. Завтра – Новый День.

Антракт

Дорожка, бежавшая по лугу, зарастала. Солнце лило свой свет, проливали воды тучи. Ветер и опылители разносили крошечные семена, они попадали в почву и начинали прорастать. Когда-то по ней бродили дети, потом позабыли о ней, а время не забыло. Порой её пересекали чёрные муравьи, знатоки биссектрис и равновесия, они искали тлей, обнаруживая их по запаху. Перелетали и чёрные рогатые жуки с широкими крыльями и жутким жужжанием, любители ночного холода и простора. Мимо тропинки проходили звери, пробирались кроты и ежи, гнездились поблизости и жаворонки. Сложилось так, что дети стали играть на лугу, далеко-далеко, и тропинка стала зарастать сорняками. Появились полевые злаки: тимopheевка, ёжа, мятлик; расцветали и угасали незабудки поблизости, долго держался клевер и лопухи, проходили изредка взрослые, собирая букеты или грудной сбор. Те, кто знал о ней, запропастились, воспоминания не навещали их, а если и навещали, то вдалеке отсюда, и поискать её было некому. Ужам она казалась ненужной, они проползали мимо, не придавая ей значения, и её направление и положение не вызывало у них ассоциаций. И вышло так, что искать её стало некому. Было столько всего, столько забот, радостей, тревог и треволнений – как сравнится с ними скучное тропиночное искание? Если и оставались свои признаки, помощники и ориентиры, то и они могли быть понятны лишь немногим, проведшим своё детство среди лугов, но и они углубились в своё... Рядом с тропинкой, если поискать, можно было найти иголку – искать пришлось бы долго, зато какая радость! А сколько видов пчёл залетали сюда, по делам и просто так, шутки ради, привлечённые детскими песенками и их наивным мотивом. Они не жалили – лишь жужжали безобидно, довольные и счастливые. А то и замолкали, увлечённо вслушиваясь. И думали... О чём? Одним пчёлам ведомо. Быть может, о других пчёлах? Или о цветах – пчёлы безумно любят яркие цветы. А вот бледные им не по вкусу – трудно примечать... На крыльях пчёл таились крошечные пчёлки – мало кто знает о них, но они есть. Их просто трудно разглядеть – ведь пчела так быстро махает крылышками. А если кому и удавалось – ему не верили, говорили: выдумщик и простака. А они есть.

Много чего случалось. Бывало, над тропинкой распростёр крылья сокол, острым глазом следя за происходящим на ней. Ведь интересно же – что там, прячется среди злаков. Быть может, ландыши? Может, и они – заранее никогда не знаешь, что случится и произойдёт. А знать хотелось – и сокол подолгу парил, всматриваясь в глубину. Иногда он вспоминал, нет ли других, запланированных на сегодня дел – обучение полёту птенцов, домашние беседы, грузинская кухня. Дел не находилось – и сокол преспокойно летел дальше, расправив крылья. Поток обтекал его – своеобразное, никому не описуемое ощущение волновало его. Кто знает, понял ли его бы дельфин, выпрыгнувший из воды, ведь это самая лучшая игра, выпрыгивать из воды вместе с другими дельфинами, и лететь, лететь... А альбатросы, уносимые ветрами и ныряющие со всего маху – сколько свежести в этих солоноватых водах... И если нахлебавшись – ничего, ничего... Ветер подхватит и понесёт – ветер дует всегда, это же океан. Море плескалось недалеко от луга – меньше, чем час полёта, и журавли уже могли увидеть его весёлым, зарастающим... Узнавали ли они его? Спросите, вдруг они Вам ответят...

Как можно его забыть? Мы помним всё, мы же птицы... А Вы?.. Разве не птицы? Не умеете парить? Как же Вы так? Я объясню, это просто... Нужно лишь раскинуть крыльями, махнуть несколько раз... Ах, у Вас нет крыльев... Что же Вы так? Ничего, ничего...

И тропинка зарастала. Гуляли розой ветры – северный сменялся восточным, заглядывал и морской, разгулявшись на просторе, или же лишь его отголосок, потерявший запахи... Бродили самые разные, а морского не было. Где он потерялся? Не долетел, споткнулся, быть может, или увлёкся проходившей мимо девушкой, мечтая с ней познакомиться. Хорошенькая... Пол-утра сегодня перед зеркалом провела, прихорашивалась. А делала вид, что занята.

Нехорошо, так бы и сказала. А запах исчез. Сколько ни внюхиваешься – не слышу его. Может, мало учился? Может... Запахи уклончивы, их не обхватишь, не запрёшь. И не нарисуешь. А жаль, не правда ли? Вкусный запах хлеба, шириной во всю картину. Можно было бы, чтобы краски пахли. Умывался пахнущими красками... Каждое утро бы умывался.

Когда-то казалось, что так легко набрести на нужную тропинку. Где же она теперь? В каком из тысяч дней потерялась она? Куда свернули мы, на какую из безбрежных тропинок, забывчиво несущихся чередой? Среди подорожников и осок, среди слов и писем... Кто мы? Где мы? Что случилось там, вчера и позавчера, что обещало сегодня и завтра? Когда закончилось оно, наше детство, да и закончилось ли? Где Вы, друзья и вино, и счастливый осенний вечер... Где же Вы?... Я ищу Вас и не нахожу... Прошное... Что стало с ним? Когда он пробил, тот час и день, когда люди перестали искать рай, перестали мечтать о нём и создавать его, отвернулись от него и забыли? Сколько столетий минуло с того дня, сколько лет или дней, сколько жизней и памятей? Что стало с ним? Как же так? Где они, наши крылья, крылья человеческого разума, уносящего далеко за границы просторов и дней, парящие над морями и веками, рождающие бездны и царствия в своих снах и яви, творящие мир, не знающий себе равных, рождающие его перед глазами, одним росчерком мысли и безбрежной фантазии? Где они, безумные мечты, не мечтающие осуществиться, безумные желания, рождённые собою и в себе, и подаренные самым близким... Как же можно было забыть об этом? Кто додумался заменить фантазию на обыденность?... Зачем нам она?

Уже давно не осталось ни родителей, ни друзей, и подсказать где он, этот рай, уже некому. Можно ещё спросить, подойти к человеку на улице и спросить... Да только поймёт ли меня он? Как объясню я ему простые истины, я, человек, лишённый хорошего воображения и долгой памяти, лишённый даже детей, которых я мог бы создать. Что скажу я ему, о кадрах и царствиях, о воздействии клея № 44 на оболочки мозга, и рисунках Рафаэля... Что я ни скажи – я не смогу донести это. И кто не искал рая – тот меня не поймёт. Кто не повторял сотнями раз “я устал”, не бился головой о деревянные полы, и в странно-болезненном приступе эйфории не задумывался о гармонии человека, тот не поймёт. Может, мой разум и покалечил меня, но я благодарен ему, это достояние, которое стоило жертв. Я не трагический герой, я не пророк и не кумир, я не создаю религию в том смысле, как это принято понимать. Но я мечтаю. Мечтаю о мире, созданном Разумом; мире, посвящённом детям, развивающем их необъятную фантазию, и сложные, но такие желанные способности памяти и мышления. Мире, который говорит на многих языках, рисует и творит, создаёт и мечтает. Мире, поставившем силу человеческой фантазии выше силы реальности, и черпающем их вместе. Мире, выбравшем развитие детей и самих себя. И отказавшемся от всего остального. Так я понимаю рай. И Ирина со мною согласна.

Старый напёрсточник

...В здешней культуре, насколько мне уже известно, издревле возник 28-летний календарь празднования Нового года, совпадающий с началом цветения в саду Ликуры. Прошлый год был годом Ивы, нынешний – год Шалфея, будущий год будет посвящён Васильку. Празднование длится весь период цветения, последние его дни совпадают с увяданием цветков. Добавьте к этому, что каждое празднование происходит согласно своему обычаю, чрезвычайно разнообразному и описываемому различно. В тонкостях могут разобраться лишь старожилы, повидавшие трижды каждый из праздников. Сложность календаря, означающего дни через изменения окружающей природы, изумительна. Неужели же Вы и вправду определяете время по цвету неба? Несомненно, это редчайшая сторона, не встречающаяся в известных мне культурах. На берегу Лассаны принято послушание кузнечиков и сверчков, но утренние и дневные часы они определяют исключительно по птицам. Согласно моему давнему наблюдению, способы измерения времени значимо сказываются на его восприятии. Сам я владею 23 способами, и могу сказать, что несколько вечерних часов протекают излишне продолжительно, и их следует принудительно сокращать прогулками. Я обратил внимание, что у Вас не возбраняется дурачиться, гуляя по улицам – во время вечерней прогулки мимо меня несколько женщин проскакали под руки, встречные мужчины пытались их поймать, а они уворачивались, и стали играть с ними в искалки. Для меня непривычно, чтобы незнакомые столь свободно переходили к первознакомству. Один юноша на улице читал себе басню про близорукие очки – я послушал его с немалым интересом, его нисколько не смущало моё внимание, и он приостановился и исполнил ещё одну старую басню, об апломбе. Он сразу угадал во мне гостя, и пригласил к себе в дом – подобное радушие для меня необычайно приятно. Дети ко мне пристали, просили рассказать им о прыгающих камешках – я вежливо уклонился, не желая ввести их в заблуждение неточным описанием – моё владение Вашим языком ещё недостаточно совершенно. Вместо этого я рассказал им восемь лучших историй о пиратах, в авторском исполнении. К восьмой истории детское благорасположение заметно утомилось, и они стали лазать друг через друга – я был принужден закончить своё повествование кратким описанием пиратского багажа. Вам известно, что ровинские пираты кладут в каждую каюту запасную подушку, чтобы загородиться от шума извне? Почему Вы думаете, что у них не бывает кают? Спать совместно у них считается неприкрытым, это связано с их давним обычаем – спящих часто выкидывали за борт, а потом ловили сетями... Чтобы загородиться от шума, они и стали использовать дополнительные подушки.

...Могу Вам сказать, что некоторые культуры чрезвычайно своеобразны. У фалангов принято теребить встречного в знак приветствия. При многолюдной встрече они могут теребить до сорока раз – некоторые оспаривают эту цифру, считая её заниженной. Фаланги очень коммуникабельны, обыкновенно они гуляют двадцативосьмиром, или же ещё в большем числе. Они любят говорить все вместе – слушатели из них неудачные. Голоса у них зычные – встретив родственника или приятеля, они начинают наперебой сообщать друг другу свежие новости – за неимением письменности они наделены непомерным любопытством, сказывающимся на огромном числе явлений. Чего только стоит ежеминутный взрыв повального щеко-тания, прокатывающийся по гуляющей толпе при каждой свежей новости о соседях. После нескольких дней, проведённых с ними, я в течение недели с трудом сдерживал поминутный хохот – на меня косились и с тревогой обходили учиты, совершенно лишённые способности смеяться. Учиты – люди серьёзные и глубокомысленные, их общественное положение всецело выражается в их осанке. Это тоже традиция – она пошла от царя Отура Значимого, его эдикт предписывал сановникам сохранять иерархическое положение в том числе и во время сна – говорили, что даже во время лихорадочного бреда он возвышенно рассуждал о значимости

государственных институтов при приготовлении свежавыжатых соков... Отур был на редкость жизнелюбивым человеком, но принятый раз и навсегда облик Правителя не позволял ему проявлять природную непосредственность. Но у него была привычка – нарезая дыню, он начинал трястись всем телом, сдерживая подступающий смех. Если сановники заставляли его за этим, то всегда принимали вид почтительно-вдохновенный – от этого его начинало трясти ещё сильнее. Он часто колебался, принимая решения, но дыню оставлял обычно при себе – он высоко ценил её качества. Его часто изображают с державой и дыней в одной руке, я лично видел несколько портретов. Несомненно, очень значимый человек...

...Изучая культуры юга и юго-востока, я узнал, что там повсеместно принято выражать своё настроение через одежду – самые неожиданные нюансы оттеняют само настроение и его происходящую смену, поэтому они обычно носят с собой несколько комплектов одежды, на случай возможных треволнений и изменений. Большую роль они придают бирюзовому, малейшие вкрапления его оттенков сказываются на них сполна. Последнее прозвано наполнением бирюзовости – я не умею перевести происходящее на Ваш язык, бирюзовость охватывает человека целиком и не оставляет долго, до нескольких дней. Бирюзовые женщины необыкновенны, говорю Вам со всем возможным почтением к ним, какая утончённость в порывах, в мечтах... Мне довелось встретить двух подобных женщин и нескольких детей – я был весь переполнен чувствами и коричневыми колечками, мне помогала многим моя молодая переводчица. Она говорила мне, что оное упомянуто во многих древних рукописях – ежегодно проходили массовые охваты... Представьте себе, жители города, одухотворённые звенящими колокольчиками, шествуют вдоль городской стены. Однажды их движение продолжалось нескольких дней и ночей, и было прервано лишь резко наступившим похолоданием. Да, одеяла они несли с собой...

Не удивляйтесь, что, рассказывая, я продолжаю рисовать на стене – этому не положено прерываться ни на миг, ни при каких обстоятельствах, иначе чреват разрыв переменчивости – оторвавшись от охватившего меня, я буду принужден заносить всё на летописные листочки – эту обязанность возложил на меня один очень важный человек, не стану упоминать его имя всуе. Даю Вам на будущее один совет, восходящий к шестой трёхчастичной главе, – помните об обязательствах. Обязательства имеют удивительную склонность забываться, поэтому на каждом обязательстве обычно бывает печать, и без печати оно считается недействительным. В нашей Империи, как Вы уже несомненно знаете, с будущего года собираются заменить медные печати бронзовыми – уже семь месяцев ведутся споры, касающиеся их будущего облика. Вот образец, можете разглядеть его со всей положенной внимательностью... Да, это Император. А это... Как Вам объяснить... Это наша любимейшая фрейлина, ещё недавно служившая балериной в театре Ирисов... Император положил изобразить её на реверсе, вместо эмблемы и герба. Это гурт – запомните это слово. Почему на нём изображена змея? Не могу не удивиться наивности Вашего вопроса, да не прозвучит это обидным для Вашего молодого уха... Как Вам известно, Император глубоко почитает библейские сказания, и раз уж им не нашлось места на аверсе и реверсе, то он положил изобразить их с должной ясностью на гурте. Подбросим её, на счастье? Как Вы думаете, на какую сторону упадёт? Думаете аверс, да... Разумно. Бросаем... Ах. Упала на ребро. Ещё раз подбросить? Можете попробовать сами. Она на ребро редко падает... Один из тысячи? Нет, полагаю, что нет. Гораздо реже. Вы же такой знаток математики... Как говорил сам Дренегар, мой юный друг, математика – царица всех наук. Изучайте, изучайте её! В Вашем возрасте я очень увлекался играми. В играх повсюду математика – в каждой игре нужны свои особенные познания. Возьмём для простоты любую игру. Слышали об игре *До туза*? Очень простая игра, берётся колода – возьмите из моего правого кармана – и поочередно мы будем вытаскивать по одной карте. Победившим считается вытащивший первым туза. Говорите, начинающий имеет больше шансов? Девять против восьми? Как Вы быстро посчитали... Можете начинать. Эта тридцати шести карточная колода, да будет Вам известно,

изображает лучших представителей высшего света нашего государства. Сам я изображён в роли валета пик, Вы его как раз сейчас вытащили. Не похож? Да, я был намного моложе. Почему у меня на голове колпак? Так пожелал оформитель – сам я был в то время в отъезде. Видите, три семиполярных звезды на фраке? Редкий знак отличия. Это наш повар – почему Вы сомневаетесь? Ему примеривали на примерке государеву мантию... А вот и туз, мне. Что это за женщина? Не могу раскрывать Вам всех секретов... Уже видели эту колоду, в лавке? За три гроша продаётся... Что поделать – повсюду мздоимство... Думаю, её либо потеряли, либо позабыли, а другие уже скопировали изображения. Положите её обратно, там дальше есть несколько изображений совершенно секретных лиц. Уже видели их, почти без одежды? Нет, в оригинале, разумеется, все изображения весьма цивилизны. Копирующие нередко утрируют всё до невозможного... Ох, молодой человек... Мало Вы ещё знаете людей. Поверьте моему опыту, как учил Дренега, не обжегшийся да не пьёт. При чём тут горячее молоко?.. А... Да, с этим соглашаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.